

на 1925 год
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит отдельными выпусками 4 раза в год под редакцией основателя этого издания д-ра мед. Г. В. Сегалина, преподавателя Урал. Университета, при участии: проф. В. П. Осипова (Ленинград), проф. Г. И. Россолимо (Москва), проф. В. П. Кащенко (Москва), проф. М. И. Асватцатурова (Ленинград), проф. В. К. Хорошко (Москва), проф. С. Н. Давыденкова (Москва), проф. В. А. Гиляровского (Москва) проф. А. О. Геймановича (Харьков), доц. Л. М. Розенштейна (Москва), препод. М. И. Цубиной (Москва), д-ра И. Б. Галант (Москва), д-ра К. И. Скворцова Балуж. губ., д-ра Б. К. Глинде (Москва), д-ра мед. А. С. Шоломовича (препод. Москов. Университета), д-ра Я. В. Минц (Москва), проф. В. М. Экземплярского (Москва), Ал-дра Крейн (Москва) и друг.

Намеченная программа издания:

- I. Отдел общей европатологии.
- II. Отдел специальной европатологии.
- III. Патографический отдел.
- IV. Европатологический архив.
- V. Общий отдел.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА 1 ГОД — 6 РУБЛЕЙ, НА 1/2 ГОДА — 3 РУБЛЯ 50 КОПЕЕК.
Подписка и Склад издания: „Практическая Медицина“ Ленинград, проспект Володарского, 49.

Все справки у редактора д-ра Сегалина, Свердловск (б. Екатеринбург), у. Вайнера № 45.

2/3
КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

XV 127
14
(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

посвященный вопросам патологии гениальноодаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Выходит отдельными выпусками не менее 4 раз в год под редакцией основателя этого издания д-ра медицины Г. В. СЕГДИНА, завед. Психотехнической Лабораторией и преподавателя Уральского Политехнического Института.

ВЫПУСК ВТОРОЙ.

Том I.

1925.

52296 3/4

СКЛАД ИЗДАНИЯ

„Практическая Медицина“

Ленинград, проспект Володарского № 49.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

134021-48

Обл. лит. № 4776. Свердловск. тип. Уралоблгосизд. Зак. № 308 - 25. Тир. 1500.

О гипостатической реакции гениальной одаренности *).

Д-ра Г. В. СЕГАЛИНА преподавателя
Уральского Политехнического Института.

Если в ряду малозамечательных предков на каком-либо поколении является вдруг, ни с того, ни с сего великий или замечательный человек, а потомки его (если они есть) продолжают быть теми же мало замечательными людьми, что и раньше (до появления этого великого человека), то об этом великом человеке, как об исключительном явлении этого биологического ряда мы можем говорить, как о реактивном явлении или как о результате некой биологической реакции.

Точно также, если в целом ряду предков, какая-нибудь фамильная особенность (скажем музыкальная одаренность), в лице какого-нибудь из представителей этого рода, появляется особенно сильно, как нечто феноменальное и затем эта феноменальность у последующих потомков не повторяется (например Себастьян Бах и вся семья многочисленных Бахов—музыкально—одаренных), а продолжает быть обычной особенностью для дальнейших поколений этого рода, тогда мы также и об этом явлении можем говорить, как о реактивном явлении среди данного ряда поколений. Спрашивается—чем вызывается это реактивное явление и почему непременно в *лице данного* человека, а не другого из его же рода.

Чтобы дать ответ с биологической точки зрения мы пытались в теоретической части нашей работы „О патогенезе и биогенезе великих людей“ **) не столько дать ответ—чем вызвано появление самой одаренности вообще у данного великого человека, сколько выявить, чем вызвано это реактивное явление *в лице данного, а не другого*, из потомков данного биологического ряда.

*) Эта работа является продолжением другой нашей работы: „Патогенез и биогенез великих людей“. Клини. Арх. Гениальн. и одарен. выпуск I, 1925.

**) „Клинический Архив Гениальности и Одаренности“ вып. I—1925.

Исходя из этой мысли, что повышенная реактивность должна быть вызвана каким-нибудь повышенным же раздражающим фактором, мы ставили себе вопрос: какие объективно-специфические условия биологического характера предшествуют появлению этого реактивного явления и какие из этих условий могли служить раздражителем (или „реагентом“) для этого реактивного явления, в лице данного великого человека.

Исходя из этого, мы отметили на целом ряде примеров из генеалогии великих и замечательных людей, что данному реактивному явлению или, иначе говоря, данному великому или замечательному человеку, всегда предшествуют, с закономерностью биологического закона, два условия: одно условие—у ближайших предков по одной из восходящих линий (отцовской или материнской) имеются всегда симптомы скрытой одаренности; как бы ни были мало замечательны эти предки—всегда имеются симптомы наличия *новоявленной или мало выявленной энергии, называемой одаренностью* (resp. гениальностью). Следовательно имеется наследственная одаренность в скрытом виде. Второе условие—у ближайших предков по другой из восходящих линий (или же по обоим линиям—отцовской и материнской) имеется наследственный психотизм. В нижеследующих таблицах мы имеем как пример сводку этих данных, где в соответствующих графах наследственной одаренности и наследственного психотизма обозначены: психотизм знаком \pm , одаренность знаком O. Причем в таблице I-й приведены примеры тех случаев, где мы видим по отцу одаренность, по матери психотизм; в таблице II-й соотношения наоборот; в таблице III-й—одаренность по одной линии, психотизм по обоим линиям.

Т а б л и ц а 1.

	Линия отца		Линия матери	
	Наслед. одарен.	Наслед. психот.	Наслед. одарен.	Наслед. психот.
1. Гоголь	o			\pm
2. Тургенев	o			\pm
3. Чернышевский	o			\pm
4. Макс Штирнер	o			\pm
5. Красинский	o			\pm

	Линия отца		Линия матери	
	Наслед. одарен.	Наслед. пенхот.	Наслед. одарен.	Наслед. пенхот.
6. Джонсон	0			+
7. Ибсен	0			+
8. Грибосдов	0			+
9. Циммерман	0			+
10. Джон Рескин	0			+
11. Э. Т. Гофман	0			+
12. Бассано братья	0			+
13. Алекс. Македонский	0			+
14. Тассо	0			+
15. Монтескье	0			+

Т а б л и ц а 2.

	Линия отца		Линия матери	
	Наслед. одарен.	Наслед. пенхот.	Наслед. одарен.	Наслед. пенхот.
1. Лев Толстой		+	0	
2. Достоевский		+	0	
3. Глеб Успенский		+	0	
4. Лермонтов		+	0	
5. Загоскин		+	0	
6. Наполеон		+	0	
7. Стейндаль (Бейль)		+	0	
8. Некрасов		+	0	
9. Ж. Ж. Руссо		+	0	
10. Шарль Жерар		+	0	

Таблица 3.

	Линия отца		Линия матери	
	Наслед. одарен.	Наслед. психот.	Наслед. одарен.	Наслед. психот.
1. Пушкин	0	+		+
2. Белинский	0	-		+
3. Стридберг	0	-		+
4. Кеплер	0	++		-
5. Гете	0	++	0	-
6. Блок	0	++	0	++
7. Мопасан		-	0	++
8. Байрон	0	-		-
9. Шопенгауер		++	0	++
10. Юл. Роб. Майер	0	+		+
11. Батюшков	0	++		++
12. Флобер	0	+		-
13. Мольер		-	0	-
14. Гаршин		+	0	++
15. Бальзак	0	++		++
16. Леонид Андреев		+	0	+

Раз эти два условия являются постоянными, то спрашивается какое отношение они имеют к данному реактивному явлению (гезр появлению великого человека). Если 1-е условие (наследственная одаренность) предшествует и необходимо как условие для появления этого реактивного явления—это нам понятно. Но какое отношение имеет 2-е условие, раз оно закономерно всегда сопутствует 1-му условию?

Тут мы должны напомнить, что психотическое начало (т. е. 2-е условие) есть нечто по своей природе антагонизирующее по отношению к нормальному аппарату сознания (т. е., иначе говоря, к психическому аппарату «здоровья»), которое, в свою очередь, является тормазом или тормозящим началом

выявления скрытой одаренности (гипостатической психики или гипостатически скрытой одаренности).

Здесь в этих антагонистических соотношениях мы пытались найти ключ для понимания роли психотического начала в процессе создания механизма выявления скрытой до сих пор одаренности.

Мы указывали, что если носители психотического начала, в лице восходящей линии предков отца или матери данного великого человека, скрещиваются с другой линией предков, где такая скрытая гипостатическая и не активная одаренность заторможена нормальным аппаратом сознания, то этот нормальный аппарат сознания, вступая в антагонизм с психотическим, изменяет этот аппарат сознания так, что изменяя устраняет эти тормазы. Благодаря этому скрытая неактивная гениальная одаренность делается „генио-активной“ или вернее «генио-реактивной» в лице великого человека, происшедшего из таких условий.

Вот это то биологическое явление, скрещения этих 2-х компонентов, мы и называем гипостатической реакцией гениальной одаренности. Таким образом, непременным условием для такой гипостатической реакции должны быть в наличии два био-генетических компонента («реагента»): компонент скрытой энергии одаренности (или кумулятивный, компонент) у одного из родителей и компонент психотический (или диссоциативный компонент) у другого из родителей данного великого человека.

Эти два компонента как две антагонистические энергии взаимно скрещиваются, диссоциируются, благодаря чему скрытая гипостатическая энергия одаренности, до сих пор связанная и заторможенная благодаря этой диссоциации освобождается от своих тормазов (эпистаза), и соединяется с психотическим элементом в новую структурную форму, позволяющую при новых условиях, из латентного состояния перейти в кинетическое. Этот процесс мы должны себе представить, как выражение некоей неизвестной нам реакции 2-х биохимических энергий, антагонизирующих между собой, взаимно рашепляющихся; затем части рашепленных антагонистов соединяются вновь, синтезируются (или нейтрализируются) в новые формы энергии выявляющей себя как одаренность (того или иного типа).

Конечно все эти процессы мы должны мыслить в плоскости био-химического гормона-творчества лишь теоретически, и в будущем эндокринологическому учению предстоит раскрыть *de facto* эти био-химические соотношения. Пока же мы можем констатировать и описывать внешнюю феноменологию этих соотношений. Чтобы упрощено (для аналогии, конечно), представить себе образно этот процесс, мы

представим себе какую-нибудь элементарную химическую реакцию, скажем реакцию кислоты и щелочи, как двух аналогично антагонизирующих между собой энергий. Возьмем, примерно кислоту HNO_3 , с щелочью KOH , а на место компонентов этой простейшей реакции (т. е. вместо HNO_3 и KOH) мы подставим наши антагонизирующие компоненты гениальности: диссоциативный компонент (психотизм) и кумулятивный компонент (латентная одаренность), причем под HNO_3 условимся понимать кумулятивный компонент, а вместо диссоциативного компонента представим себе KOH . Далее NO_3 в формуле HNO_3 обозначим как гипостатическое начало, а H в формуле HNO_3 как эпистатическое начало, связывающее NO_3 (гипостатически). В обозначении же KOH , под K и OH условимся понимать как части психотического начала. При соединении этих 2-х начал произойдет следующее: HNO диссоциируется благодаря антагонизирующему действию KOH на H и NO_3 (т. е. эпистатическое H диссоциируется от гипостатического NO_3); один из элементов психотического начала K синтезируется с NO_3 (т. е. гипостатическим началом освободившемся от эпистаза H). В результате чего, гипостатическая одаренность NO_3 , бывшая до сих пор в скрытом состоянии, соединившись с K и получивши новое выражение KNO_3 получило новую конституцию, дающую возможность NO_3 , благодаря постоянному присутствию K выявить себя (так или иначе). H соединившись с OH в свою очередь образовало H. OH .

Таким образом, отмеченное нами антагонистическое соотношение компонентов из которых образуется гипостатическая реакция, получило здесь образное выражение в виде взаимоотношения химических реагентов простой химической реакции. Конечно, это только образная аналогия ни больше, аналогия, взятая для пояснения той идеи, которую мы вкладываем в понятие «гипостатическая реакция одаренности», чтобы показать, что она носит тот же характер некой реакции, в результате которого замечательного (гениального) человека на языке аналогии—мы должны рассматривать как явление специфической реактивности, на ряду с другим реактивным явлением о котором сейчас будет речь.

Чтобы пояснить эту аналогию до конца спрашивается, что подразумевается конкретно в этой реакции под H. OH ? Ведь H. OH , по смыслу химических взаимоотношений, тот же результат нашей реакции, как и KNO_3 .

Имеется ли конкретно в результате гипостатической реакции нечто такое, что соответствует H. OH ? Да имеется. На ряду с реактивной одаренностью, в результате гипостатической реакции, *имеется всегда и реактивный психотизм в*

лице тех братьев и сестер великих людей, среди которых всегда имеется брат или сестра психотик (или преппсихотик, во всяком случае).

Нижеследующий список иллюстрирует этот реактивный психотизм в лице братьев и сестер великих людей, наряду с реактивной одаренностью в лице данного великого человека.

Примеры реактивного психотизма:

1. У Кернера была душевно больная сестра
2. " Шумана " " " " "
3. " Чарльз-Лемба была душевно больная сестра
4. " Ришелье " " " "
5. " Николини " " " "
6. " Гегеля " " " "
7. " Дидро " " " "
8. " Конта " " " "
9. " Аксакова " " " "
10. Гончарова были душевно больные сестра и брат
11. " Гаршина был душевно больным брат
12. " Циммермана был душевно больным брат
13. " Пертикари были " больные братья
14. " Пуччиноти были " " " "
15. " Льва Толстого был душевно больным брат
16. " Бальмонта " " " брат
17. " Д'азелино были " " больные братья
18. " Вильмен " " " 2 брата
19. " Эмерсон был " " больным брат (помимо сестры)
20. " Мирабо была душевно больная сестра
21. " Достоевского были душевно больные сестры и братья
22. " Ленау была душевно больная сестра
23. " Батюшкова была " " " "
24. " Виктора Гюго был душевно больным брат
25. " Чаадаева " " " брат
26. " Пушкина " " " больная сестра
27. " Бронте Шарлота был душевно больным брат
28. " Шатобриана была душевно больная сестра
29. " Араго был душевно больным брат (преппсихотик)
30. " Бенда Франческо (скрипач) был душевно больным брат (преппсихотик)
31. " Феербаха был душевно больным брат
32. " Воуаи (математик) был душевно больным младшим брат
33. " Кеплера был душевно больным брат (психопат)
34. " Серова (композитор) была душевно больная сестра
35. " Гл. Успенского был душевно больным брат (преппсихот.-самоубийца)

36. У Стриндберга был душевно больной брат (душ. ненормальный)
37. „ Грильпарцера „ „ „ „ брат
38. „ Роберт Майера были душевно больные братья (препсихот.)
39. „ Миньони был душевно больной брат (эпилептик)
40. „ Врубеля „ „ „ „ „

Итак, на этих примерах, мы видим, что гипостатическая реакция сопровождается кроме реактивной одаренности (генальности) еще одновременно и реактивным психотизмом, в лице психотичных братьев-сестер великих людей. И то и другое явление есть результат скрещения тех 2-х компонентов одаренности, о которых упоминалось выше.

Этот неоспоримый факт, что каждому гению (или замечательному человеку) в роду сопровождает брат или сестра психотик или препсихотик—есть лучший аргумент в пользу идеи гипостатической реакции, как руководящей идеи в понимании сложных соотношений генетики людей с феноменальной одаренностью. Формулируя эти соотношения между компонентом одаренности и компонентом психотическим на языке аналогии теми же химическими образами, мы; в конечном счете, должны все эти соотношения формулировать таким образом.

Там, где радикал скрытой одаренности (NO_3), заторможенный аппаратом сознания (Н) встречается при скрещении с радикалом психотизма (ОН), там происходит гипостатическая реакция, дающая гениальность (resp. одаренность) наряду с психотизмом.

Иначе говоря (употребив образный язык химической аналогии): „Соль“ (KNO_3) гениальности на ряду с „водичкой“ (НОН) психотизма является результатом некоей реакции, где радикал гениальности, бывший до сих пор связанным (заторможенным) аппаратом сознания (Н), но благодаря диссоциирующего действия (КОН) освобожденный и синтезировавшийся вновь с одним из элементов психотизма (КОН) в новую структурную форму (KNO_3), стал активной энергией гениальности.

Такая аналогия гипостатической реакции с обыкновенной химической реакцией, делает нам возможным понимание и того специфического явления в генетике великого человека, на которое уже давно было обращено внимание различными авторами. Речь идет о том, что у великого или замечательного человека, никогда его одаренность не передается его детям в той же степени, как у него самого, а всегда в меньшей или незначительной степени (сравнительно, конечно, с ним самим).

Зато обязательно передается детям (если они вообще имеются у данного великого человека) или одному из его детей—психотизм (resp препсихотизм). Что у великих или замечательных людей один из его детей бывает душевно-больной или слабоумный или препсихотик—это общеизвестный факт. Чтобы осветить это явление с нашей точки зрения, напомним, что великий или замечательный человек есть результат синтеза 2-х составных биологических элементов: психотизма и кумулятивной родовой одаренности. Если сам по себе, факт явления этого великого человека—есть явление реактивной одаренности или явление реактивной биологической продуктивности, то в тот момент, когда это реактивное явлениеотреагируется, тогда, естественно, что у него должен сохраниться только остаток того, благодаря чему он был велик, т. е. от него останется в потомстве только явления *редукции* его биологической сущности. Это явление *редукции* биологической сущности великого человека сказывается в его потомстве. Если его дети одарены, то они одарены посредственно. Вместо *реактивной одаренности* отца у них *редукционная одаренность*, т. е. этот посредственный тип одаренности (по отношению к великому отцу) нужно рассматривать как уже *редуктивный* тип одаренности в отличие от вышесказанного *реактивного* типа одаренности великого отца. Одновременно с такой редукцией одной стороны сущности великого человека, идет и редукция другой стороны сущности великого человека—психотической: в лице его детей он дает также *редукцию психотизма*. Если в лице его брата (resp сестры) мы имели *реактивный психотизм*, то в лице его сына (или дочери) мы имеем *редуктивный психотизм*.

Вот некоторые примеры такого редуктивного психотизма в лице детей великих и замечательных людей.

1. Себастиан Бах Сын душевно-больной.
2. Шуман Сын душевно-больной.
3. Тацит Сын душевно-больной.
4. Петр Великий Дети душевно больные.
5. Манцони Сыновья душевно больные.
6. Мендельсон Сын душевно-больной.
7. Марк Твен Дочь (эпилепсия).
8. Кондэ Сын душевно-больной.
9. Кувье Дети душевно-больные.
10. Кернер Дети душевно-больные.
11. Гете Сын душевно-больной.
12. Мамин-Сибиряк Дочь (истерия).
13. Аксаков Дочь (эпилепсия).

14. Севиньи Маркиза Мария Сын (препсихотик).
15. Кольридж Сын (препсихотик).
16. Короленко , Дочь (препсихотик).
17. Кардан Сын душевно-больной.
18. Уатт Джемс. Сын отличался странностями замкнутостью и ненормальностями.
19. Циммерман Сын душевно-больной.
20. Берлиоз Сын препсихотик.
21. Виктор Гюго Дочь душевно-больная.
22. Лев Толстой Сын Лев Львович 5 лет болел тяжелой нервной болезнью.
23. Юлий Цезарь Дочь умерла от нервно-психического потрясения.
24. О. Конт Сын душевно-больной.

Как мы уже отметили, весь биологический смысл психического компонента при гипостатистической реакции—это антагонизирующая и диссоциирующая роль этого компонента или роль диссоциатора заторможенной энергии одаренности. Если это так, то всякая другая диссоциирующая сила аналогичная психотизму, должна играть такую же антагонизирующую и диссоциирующую роль в биологии великих людей. Теперь спрашивается: имеется ли такая сила в природе великих людей, которая бы была по своему антагонизирующему и диссоциирующему действию аналогична психотизму.

Мы должны ответить на этот вопрос отрицательно, но зато мы можем сказать, что есть факторы, хотя и не психического порядка, но способствующие или усиливающие диссоциирующие действие психического момента и, тем самым, как бы играют роль вторичных дополнительных антагонистов-диссоциаторов при гипостатической реакции одаренности. Эта роль дополнительных факторов—антагонистов—выполняется, между прочим, моментами расового скрещения у великих людей. К этому вопросу мы сейчас подойдем.

Давно уже констатировано различными авторами, что великие люди, происходят также и от непосредственного скрещения различных рас и национальностей.

Как иллюстрацию такого расового скрещивания у великих людей приводим здесь:

1. Пушкин . . . Отец русский . . . Мать—креолка (негр, происход.).
2. Некрасов . . . " . . . Мать—полька.
3. Врубель . . . поляк . . . русская.
4. Серов . . . русский . . . еврейка.
5. Падсон . . . еврей . . . русская.
6. Ганс-фон-Марс . . . немец . . . еврейка.
7. Монпескье . . . француз . . . англичанка.
8. Бальмонт . . . по отцу шотландец по матери татары.
9. Нивинье . . . Отец поляк . . . по матери немец.
10. Пбсен . . . датчанин . . . Мать немка.
11. Стендаль . . . француз . . . итальянка.
12. Фет . . . русский . . . немка.
13. Герцен . . . русский . . . немка.
14. Рубинштейн . . . еврей . . . немка.
15. Шопен . . . француз . . . полька.
16. Парацельс . . . из Вюртем-
бергцев . . . швейцарка.
17. Чайковский . . . русский . . . по матери (дед)
француз.
18. Руссо . . . Французско-швейцарского происхожден.
19. Лермонтов . . . по отцу—шотландец. Мать русская.
20. Фалс . . . Греко финкийского происхождения.
21. Монтен . . . Еврейско-французского происхождения.
22. Каут . . . Шотланско-немецкого происхождения.
23. Фома Аквинский Ломбардо-итальянского, происхождения.
24. Жуковский . . . Отец русский. По матери турец. происх.
25. Гегель . . . Отец из Каринтии, мать из Вюртемберга.
26. Шопенгауэр . . . Голландско-немецкого происхождения.
27. Лейбниц . . . Славяно-германского происхождения.
28. Фриз . . . Шотланско-немецкого происхождения.
29. Гаршин . . . Отец—татарского; мать—русского про-
исхождения.
30. Верещагин . . . Отец русский; по матери (бабка) татар-
ского происхождения.

Приведенный здесь список, конечно, далеко не исчерпывающий. Приводим его, как иллюстрацию происхождения замечательных или великих людей от 2-х различных национальностей или различных рас. С нашей точки зрения, точки зрения закономерной необходимости введения биологического антагонизма при скрещении, для выявления скрытой одаренности—это явление будет понятно, если мы еще дадим следующее пояснение.

Скрещение рас есть, по существу, скрещение биохимических противоположностей, относящихся между собой как некие антагонисты. Напомним тот общеизвестный факт в биологии, что введение в кровь здорового организма крови здорового же организма чужой расы—равносильно введению в кровь патологического материала (т. е. равносильно введению яда). Иначе говоря—различные расы должны воздействовать друг на друга как антагонисты при скрещивании этих рас, т. е. аналогично действию психотизма на скрытую одаренность в вышеприведенном смысле. Вот почему, если в 2-х скрещивающихся фамильных линиях где имеются все антагонистические условия для гипостатической реакции, т. е. имеется компонент скрытой одаренности и компонент психотизма), введение в это скрещение новых условий антагонизма в форме такого расового скрещения, должно еще более усиливать этот антагонизм и тем более способствовать условиям, дающим гипостатическую реакцию одаренности.

Вот почему, по нашему мнению, расовые скрещения „льют воду на мельницу“ этой гипостатической реакции, но отнюдь не достаточны чтобы сами по себе без психотизма могли вызвать эту гипостатическую реакцию. Расовый антагонист есть *дополнительный антагонист* к основному психотическому и, сам по себе, должен быть рассматриваем как интерферирующий антагонист. (как явление интерференции).

Как на яркий пример где расовый (resp национальный) компонент при скрещении с компонентом одаренности способствует на ряду с психотическим компонентом выявлению скрытой одаренности, а тем следовательно, способствует гипостатической реакции—укажем на особенности этой гипостатической реакции у евреев. Еврейская раса вообще, представляет из себя удивительный объект для экспериментирования в биологической лаборатории природы. Кажется, природа тут действительно создала для себя специальный объект для всех ее лабораторных надобностей. Если какому-либо скептику по отношению к нашим выводам и нашей теории нужны экспериментальные доказательства, то на евреях эти эксперименты на лицо. Прежде всего, давно уже известно

(чуть ли не во всех учебниках это отмечено), что по количеству процента психоневротиков и вообще нервно-психических заболеваний, евреи занимают первое место среди других народностей, (что послужило поводом говорить о них, как о дегенерирующей расе); с другой стороны для всех также общезвестен факт, что процент замечательных людей у евреев (по отношению к их количеству) также велик, т. е. природа здесь как бы экспериментально нас поучает: „там, где Вы имете больше всего, в процентном отношении количество замечательных людей, там непременно должно быть в процентном отношении и больший процент психотизма и психоневротизма“. И не даром, еще Ломброзо *) говорили: „как дорого обходятся евреям великие и замечательные люди“, ибо наряду с ними они имеют громадное количество невротиков и психотиков. Таким образом в лице евреев мы имеем самое лучшее экспериментальное доказательство необходимости диссоциативного и кумулятивного компонента, о которых мы говорили выше. И, таким образом: пато-биологических данных для более частой гипостатической реакции у евреев чрезвычайно много. Поэтому у них большой процент замечательных людей.

Далее природа экспериментирует на евреях еще и в отношении доказательства корреляционной роли скрещивания рас (при тех же имеющих основных условиях для более частых гипостатических реакций).

Как известно одни и те же евреи в одних странах (напр. в Германии и в странах говорящих по немецки) дают более громадный процент великих и замечательных людей несмотря на то, что количественно их там относительно мало, в тоже время, как живя в других странах (напр. в России) те же евреи в громадном, относительно, количестве (чуть ли не в 16 раз более) **) дают меньший, процент великих и замечательных людей. Как объяснить такое явление? Объяснение давали самые различные. Талантливость евреев Германии приписывалась другим культурным, политическим и социальным условиям, в которых находились евреи Германии и евреи старой России. Говорили например, что дескать, гнет царской России не давал евреям развиваться свои силы в то время как в Германии как в „свободной“ стране, евреям было легче развивать свои силы. Все это конечно верно, насколько здесь рассматривается социологическая сторона вопроса. Но на сколько мы здесь рассматриваем этот вопрос биоло-

*) Ломброзо — Генвальность и помешательство. (Изд. Павленкова 1892 года).

**) Мы имели в виду старый племенный состав России дореволюционный, когда количество евреев было больше вследствие включения евреев Польши, Литвы и др. теперь не входящих областей.

гически мы, не отрицая социологической стороны вопроса и в частности ту громадную разницу условий социально-экономической жизни евреев в Германии и в дореволюционной России, мы однако центр тяжести этой разницы должны отнести на биологическую сторону вопроса. Мы находим, что причина, почему евреи в Германии дают большее количество замечательных людей кроме других еще—биологическая. С нашей точки зрения дело обстоит так. В смысле биологической полноценности кумулятивный компонент евреев России и евреев Германии—совершенно одинаков, т. е. одинаков их потенциал одаренности. Точно также необходимый с нашей точки зрения психотический компонент для гипостатической реакции, также одинаков (ибо процент психоневротиков, психотиков—одинаков), поэтому в основе процент замечательных людей у тех и других одинаково высок (по отношению к другим национальностям). Теперь, при тех же условиях—у евреев Германии мы видим еще другое явление—это большое количество смешанных браков с коренными немцами, в то время как у евреев России количество смешанных браков относительно мало. Это большое количество смешанных браков у евреев Германии еще более способствует увеличению количества замечательных людей, чем у евреев России. И вот почему: для гипостатической реакции одаренности евреев Германии благоприятна *интерференция нового антагониста* расового характера, усиливающего этот антагонизм *в более благоприятном смысле*, для усиления гипостатической реакции одаренности. Для коренных же немцев также более благоприятно такое скрещение или вследствие введения диссоциативного компонента (более частого у евреев) или же, вернее, также вследствие той же интерференции нового расового антагониста. У евреев России, как замкнутой расе этой интерференции расового компонента путем смешанных браков нет, или же она редко бывает потому и менее часты явления гипостатической реакции с расовой корреляцией. Но опять таки менее *часты по отношению только* к евреям Германии, но не по отношению к другим народностям. И так, интерференция расового антагониста при скрещении компонентов одаренности и психотизма—благоприятна для гипостатической реакции; вероятно, также благоприятна не только в количественном отношении, но и в качественном. Конечно, эта сторона вопроса требует еще более глубокого исследования и мы здесь высказываем пока как „вероятное“.

На факт громадной роли интерференции новых антагонистов не подлежит сомнению. К этому заключению нас склоняет еще одно замечательное явление, о котором будет сейчас речь. Это—интерференция новых психотических антагонистов к основному психотическому компоненту.

Но прежде чем перейти к этому вопросу, напомним читателю о группе великих и замечательных людей, перечисленных в таблице III (см. также III группа примеров в „Патогенезе и биогенезе великих людей“ „Клинический архив Гениальности и одаренности“, выпуск I, 1925 г.).

В этой группе иллюстрируется вариация примеров, где скрещение психотического компонента с компонентом скрытой одаренности происходит таким образом: компонент одаренности происходит по одной из родительских линий, психотизм же происходит с обеих сторон (т. е. и по материнской и по отцовской линии).

Это одна особенность этой вариации скрещения. Но в этой группе примеров имеется еще одна особенность, весьма поучительного характера. А именно: отмеченные только что психотические компоненты по обоим линиям (материнской и отцовской) *сами по себе являются антагонистами* по отношению друг к другу. И вот в каком смысле: в то время, как психотический компонент с одной какой-нибудь стороны характеризуется как *психотизм гиперкинетический*, психотический компонент с другой стороны характеризуется как *психотизм гипокинетический*.

Под гиперкинетическим психотизмом мы понимаем такой комплекс симптомов психотизма (или препсихотизма), который включает в себе повышение эмоционально-волевых элементов. Сюда относятся: все виды маниакальных и гипоманиакальных состояний, аффект—эпилептические симптомо-комплексы и все прочие состояния, связанные конституционально с повышенными эмоционально-волевыми симптомами.

Под гипокинетическими психотизмами мы понимаем те симптомо-комплексы, которые включают в себе *понижение* эмоционально волевых элементов. Сюда относятся все шизофренические и пазифренические состояния, а также все прочие состояния, конституционально характеризующиеся понижением эмоционально волевых элементов.

Приведем несколько примеров.

Гиперкинетическая психика.

Гипо-кинетическая психика.

1. Гете.	М а т ь. Гипоманиакальная экзальтированная особа, с повышенным ажитированным поведением «Солнечная натура».	О т е ц. Суровый, замкнутый, негативистичен и скуп. В общении «невозможно тяжелый» и эмоционально тупой человек».

Гиперкинетическая психика.

Гипо-кинетическая психика.

2. Пушкин. М а т ь. Вспыльчивая, аффективная с «необузданными страстями».
3. Ал. Блок. М а т ь. Одержима истеро-эпилептическими припадками. Аффективная особа, с капризным и неровным характером.
4. Кеплер. М а т ь. Вспыльчивая, раздражительная, сварливая и легко возбуждающаяся особа.
5. Байрон. М а т ь. Вспыльчивая до крайности с «буйным характером». Сам поэт характеризует ее «Фурией».
6. Шопенгауер. О т е ц. Был одержим эпилепто-подобными припадками. Был очень аффективен и вспыльчив, вместе с тем был очень настойчив, обладал силой воли и энергией в достижении своих целей.
7. Бальзак. М а т ь. Вспыльчивая, аффективная и жестокая особа.
- О т е ц. Неровная, противоречивая натура, то впадает в мотовство, то в крайнюю скупость, мелочный, бестолковый. Резонер и поверхностный чел. Камбуры и остроты были его страстью, аффективная сфера притуплена.
- О т е ц. Суровая, — «Демоническая» натура со странностями и эксцентричностями.
- О т е ц. Человек ограниченный, неудачник, бродяга; к детям своим относился равнодушно. Эмоциональная тупость.
- О т е ц. Авантюрист, интриган с «бесконечными любовными похождениями» и «разгульным нравом». „Отсутствие всякого чувства порядочности». Эмоциональная тупость.
- М а т ь. Была холодная, замкнутая и эмоционально тупая, эгоистичная натура.
- О т е ц. Эксцентричный чудак, странности которого вошли в поговорку. Аффективная сфера притуплена.

Гиперкинетическая психика.

Гипо-кинетическая психика.

8. Леонид О т е ц. Суровый, жестокий, вспыльчивый и аффективный человек.

М а т ь. Экцентричная чудачка была одержима катоническому ступору. Шизоидный тип.

9. Мопасан. М а т ь. Истерио-эпилептические припадки, приступы возбуждения и аффективности.

О т е ц. Безвольный авантюрист слабохарактерный, поведение его отличалось странностями и противоречиями. Притупление аффективной сферы.

Здесь в этой таблице мы видим следующие соотношения: с обеих сторон, как с материнской, так и с отцовской, имеется два психотических компонента, которые между собою антагонистичны в отношении кинетических свойств психики («Гипер» и «Гипо»). Если обычно гипостатическая реакция протекает при одном психотическом антагонисте, то здесь психотический компонент встречается с противоположной стороны еще с *новым дополнительным* антагонистом. Но этот дополнительный антагонист также психотический. А так как оба психотических компонента также между собою антагонистичны, то этот дополнительный психотический антагонист как бы увеличивает этот антагонизм. Получается так, как будто основной психотический компонент сам по себе не достаточен, чтобы обеспечивать гипостатическую реакцию, и для этой цели вводится новый антагонист, усиливающий необходимые антагонистические отношения. Происходит тоже самое, что мы отметили по отношению расковой интерференции.

Итак, резюмируя все сказанное, мы приходим к такому заключению. Гипостатическая реакция есть тот патобиологический и пато-генетический узел, распутать который есть кардинальная задача генетики великих людей.

В зависимости от того, как завязывается этот узел мы получаем тот или иной тип генио-реактивного человека (об этих генио-реактивных типах речь будет в одной из последующих работ).

Пато-биологические условия, благодаря которым завязывается этот узел и создается гипостатическая реакция, должен быть тщательно изучен. На основании изучения этих условий мы сумеем дать ответ—почему у таких то родителей, а не у этих рождаются такие генио-реактивные типы, как Достоевский, Гоголь, Толстой, Гете и проч.

Центр тяжести изучения этого вопроса лежит, по нашему мнению, в изучении антагонистических условий и именно тех антагонистических условий, которые предшествуют гипостатической реакции, а эта гипостатическая реакция является пато-биологическим кризисом этих антагонистических соотношений.

Основными условиями, которые создают эти антагонистические соотношения, и тем следовательно, и самую гипостатическую реакцию, является скрещение 2-х биологических компонентов: компонента одаренности с компонентом психотизма в той или иной форме, (психотизм, психо-невротизм и проч.). Помимо этих основных условий антагонизма могут быть еще дополнительные моменты, усиливающие условия антагонизма, и тем еще более способствующие гипостатической реакции. Такими, способствующими условиями, является интерференция новых биологических антагонистов. Сюда относятся:

- 1) Интерференция расовых антагонистов,
- 2) Интерференция добавочных психотических антагонистов (антагонизирующих, в одно и тоже время, с основным психотическим антагонистом), и
- 3) Интерференция других еще нам неизвестных антагонистов).

От изучения всех этих условий зависит возможность дать ответ, почему гипостатическая реакция, создающая условия появления генио-реактивного типа, совершалась в лице этих родителей, а не других.

Л и т е р а т у р а .

1. Ломброзо. Гениальность и Помешательство, 1892, изд. Павленкова.
2. Д-р Р. В. Сегалин. О задачах эвропатологии как отдельной отрасли психопатологии. Клинич. Архив Гениальн. и одаренности, выпуск первый 1925 г.
3. Д-р Г. В. Сегалин. Патогенез и биогенез великих людей. Клинич. Архив Гениальности и одаренности, выпуск первый 1925 г.

Симптом „Иллюзия уже виденного“—как творческий симптом.

Д-ра К. А. СКВОРЦОВА (с. Желанье,
Калужск. губ. Юхновск. уезда).

„Нельзя выкупаться два раза в той же реке,
Нельзя окунуться в тот же поток представлений“.

(Гераклит).

Многими переживается состояние, когда настоящее представляется до мелочей тождественным с бывшим прежде, будто жизнь совершила круг по своей орбите и снова пересекает те же определяющие ее бег точки в пространстве и времени.

Мы чувствуем, что настоящее неотразимо стремится совпасть с отрывком какого-то прошлого, заполнить уготованную форму. Набегающий миг, как печатный станок, являет предуготованные знаки. Все мелочи обстановки, все оттенки чувств, настроения, вся последовательность движений, все звуки, цвета, прикосновения, запахи, весь внешний и внутренний мир—сама невыразимая жизнь роковым образом воспринимается как уже знакомое, уже пережитое. Многим кажется, что это явление присуще только им, другими оно просматривается благодаря мимолетности.

Хорошее описание такого явления находим в одном современном юношеском дневнике: „Летом 1912 года, Июня 12-го. Из Выборга в Гельсингфорс мы отправились пароходом вдоль берегов, по шхерам. В Финляндии я был в первый раз. Был солнечный летний день. Блестело море, за кораблем летели чайки, куда хватал глаз—всюду были рассыпаны маленькие гранитные островки. Я был на палубе, в носовой половине. Однообразно плескала вода о борт, мерно уходили и появлялись новые и новые граниты. Все красные. Вдруг вдалеке замаячил большой белый камень. К нему бежало наше судно. Я обернулся и прочел название па-

рохода над рубкой, оно было написано по шведски „Эбба Мунк“. И показалось мне сразу и на миг, что я уже знаю все, уже видел прежде до мельчайших подробностей окружающее. Когда-то ждал белого гранита, видел блики солнца на воде, также чувствовал на щеке мягкое дуновение ветра. Также господин в кепи стоял у борта, были такие же два шведских слова перед глазами, также было сладко и ясно на душе... Я попытался ухватиться за это широкое чувство, хоть на секунду продлить его. Напрасно, я уже жил по прежнему, обыкновенно...

Здесь бессознательно намечены главные приметы воспоминания настоящего.

На западе это душевное переживание называют разными именами. Немцы склонны отнести это явление к расстройству воспоминания—„обманы воспоминания“, „отожествляющие обманы воспоминания“; англичане именуют его „галлюцинациями памяти“, „внутренними галлюцинациями“, „призраками памяти“, „двойственными воспоминаниями“; итальянцы и Французы дают общее название—„ложная память“, „ложное узнавание“. Французы особенно метко и просто, не гонясь за греческим и латинским выражением, говорят—„иллюзия уже виденного“, „уже прожитого“, „уже слышенного“. У них выходит не так замкнуто, не так резко ограничено и классифицировано, слово дает возможность, не изменяясь, расширить разумеемое понятие. Это особенно ценно в процессе разработки и объяснения описываемого явления. У русских по большей части употребительны международные названия—парамнезия, псевдореминисценция. Почти везде слышится расстройство памяти, только французы, не дробя и не обрубая явления, говорят об иллюзии повторения прожитого. Сама нечеткость определений и их разнообразие говорят за то, что ни одно из них не выражает полностью понятия. Одного слова не хватает для полной ясности, да и за целой фразой даже ищется что-то дополняющее, будто нужно самому испытать это состояние и только тогда будет вполне понятен смысл различных обозначений. Несказанность явления—вернейший признак его жизненности. Потому именно мы и видим изображение иллюзии уже пережитого сперва в изящной литературе у писателей, несомненно испытавших это чувство. Научная разработка приходит позднее, да и здесь лучшие описания основываются на личном опыте. Еще в тридцатых годах прошлого столетия Мюссэ дает то же название воспоминанию настоящего, что установилось в позднейшей научной медицинской и философской литературе Франции. „Я не могу передать того необычайного, странного“, „уже виденного“ *),

*) Курсив Мюссэ.

что имела в своих чертах спящая передо мной женщина”— читаем мы в поэме „Ролля“, написанной в августе 1833 года. Это душевное состояние наступает у героя поэмы Ролля после крайнего душевного и телесного утомления, на восходе солнца, у открытого окна, из которого открывается вид на Париж.

Душевное состояние действующего лица, окружающая обстановка, произнесенные слова, последовательность мыслей, развитие действия—все, как музыкальная фраза, создает переживание особого рода, обозначаемое Мюссэ как странное, величественное, уже знакомое, „уже виденное“. Сам Ролля, сын слабоумного дворянчика, отмечен резкими чертами вырождающегося психастеника, в 23-х летнем возрасте кончающего самоубийством. Здесь уже даны поэтому главные отличительные признаки, главные положения, которыми пытались объяснить иллюзию „уже виденного“ последующие авторы психологи. Вряд ли Мюссе мог вдохновиться современными ему психиатрическими достижениями, хотя в то время уже появился трактат Пинеля о душевных болезнях. Не нужно искать здесь и влияния тогдашнего романтизма, возглавляемого Гюго. Биография Мюссэ скорее всего дает нам разгадку его творчества. Его двойная жизнь, символически изображенная в „Декабрьской ночи“, есть атмосфера воспоминаний настоящего (2) (3). С ранней юности его преследуют видения своего двойника, своего навязчивого второго „я“, „зеркально“ схожего с подлинным. (3).

Замечательно, что Ролля, испытавший чувство „уже виденного“ при созерцании спящей Мари, слышит по пробуждении ее рассказ о странном сновидении: будто она видела во сне что Ролля умер и его хоронят.—«Твой сон довольно правдив»—отвечает Ролля—«ты можешь завтра не трудиться видеть это во сне, я покончу собой сегодня вечером». Действительно он и приводит сон в исполнение. Потом почему-то Мари, рассказав сон, смотрится в зеркало, улыбается себе, любит на свое изображение...

Вспомним Лермонтова. Восемь лет спустя после Мюссэ (в 1841 году) он пытается передать то же чувство в стихотворении „Сон“: „И снился мне сияющий огнями вечерний пир в родимой стороне...“ Здесь она „юная дева“ видит вещий сон, зеркальный сон, в то время, как раненый в Дагестане видит двойной сон—и деву и себя в ее грезах таким, какой он есть в данный миг. Трудно передать в словах очарование и чувство этого произведения. „Есть речи—значение темно иль ничтожно, но им без волненья внимать не возможно“—подчеркивает поэт трудность передачи в словах душевных переживаний. В том же 1841 году он

пишет:— „И все мне кажется: живые эти речи в года минувшие слышал когда-то я; и кто-то шепчет мне, что после этой встречи мы вновь увидимся, как старые друзья...“ („Изпод таинственной холодной полумаски“).

Чувство уже пережитого, уже слышенного, воспоминания настоящего овладевают поэтом. Оно влечет к себе. Свое „Я“ видится в каком-то зеркальном чудесном мире. Недаром Нарцисс погибал на берегу кристального ручья, недаром эхо привлекает первобытного человека... И у Мюссэ и у Лермонтова переживания „уже виденного“ связаны с утомлением, однообразием, с какими-то вещами снами, с зеркальными отражениями, с предчувствиями, уходом из действительности в грезу, на грань сна и яви, жизни и смерти...

Впоследствии мы увидим как все это неотделимо от воспоминаний настоящего.— „И наша жизнь стоит пред нами, как призрак, на краю земли“—сказал о подобном переживании Тютчев.—И еще—. О, вещая душа моя, о, сердце полное тревоги, о, как ты бьешься на пороге как-бы двойного бытия...“.

Мы являемся как бы разделенными, удвоенными, посторонними зрителями, мы теряемся, обезличиваемся, переживая повторение прошлого. Мы вступаем на путь противоречий, в настоящем воспринимаем прошлое в „нет“ чувствуем „да“; словно пробудившись от сна, тоскуем по первобытной свежести.— „И пред душой тоской томимой все тот же взор неотразимый, все та ж улыбка, что во сне...“ (Тютчев).

Чувство беспорности, от'единения захватывает душу:— „Упразднен ум, и мысль осиротела. В душе своей как в бездне погружен, и нет извне опоры ни предела...“.

Нужно было столетия, чтобы научное слово „деперсонализация“ обозначило переданное Тютчевым в пятидесятих годах душевное движение. И почти три четверти века разделяет Лермонтова и Фрейдовский „нарцизм“.

Правда, начиная со второй половины прошлого века появляются описания идентифицирующих иллюзий воспоминания и предлагаются различные объяснения явлению, но Диккенс, Достоевский, Толстые, Тургенев, Шпильгаген, Зейдлиц, Огарев уже определили их. Статья же Фейхтерслебена, написанная в 1845 г. нечетко трактует этот вопрос и не может быть поставлена впереди авторов произведений художественной литературы. Только начиная с Сандера психиатрия называет явление обособленно (1874 г.). В восьмидесятых и девяностых годах работа поэтов и психологов продолжается втихомолку друг от друга и лишь у порога

нынешнего столетия происходит во Франции объединение сил для совместной работы в изучении воспоминаний настоящего.

Диккенс говорит: «мы все знаем особое чувство, овладевающее внезапно нами и заставляющее нас думать, что говоримое или делаемое нами теперь, было уже сделано и сказано давно, что мы были окружены в прошлом неясном времени, теми же вещами и лицами; что мы знаем то, что сейчас последует, как будто мы все это внезапно вспоминаем. Я никогда не испытывал так резко это чувство таинственного; как в тот момент, когда он произнес эту фразу...» (4) Диккенс полагает, что это таинственное и резкое *особое чувство* обще всем здоровым людям, оно наступает внезапно на короткий миг, относится как бы к смутному прошлому, сопутствуется предчувствием грядущего. Он не называет явления обманом памяти это могучее чувство, овладевающее всеми нами...

Лев Николаевич Толстой в «Юности», в главе 25-й, описывает воспоминания настоящего у молодого студента во время поездки в Кунцево из Москвы на лошадях. Дело происходит летним вечером на террасе дачи.—«Я пристально глядел на читавшую Вареньку и думал, что я ее магнетизирую и что она должна взглянуть на меня. Варенька подняла голову от книги, взглянула на меня и, встретившись с моими глазами, отвернулась.—Однако дождик не перестает,—сказала она. И вдруг я испытал странное чувство: мне вспомнилось, что именно все, что было теперь со мною,—повторение того, что было уже со мною один раз: что и тогда точно также шел маленький дождик и заходило солнце за березами, и я смотрел на нее, и она читала, и я магнетизировал ее, она оглянулась...» Отмечены: монотонный ритм чтения, пристальное вглядывание, исполнение задуманного желания, внезапно нахлынувшее странное чувство. Заметим, что речь ведется с момента наступления иллюзии в страдательном залоге—«со мною было...» будто что-то водит сознанием, всецело захватывает его. И Толстого пленяет это ощущение. В «Войне и Мире» в «Воскресении» он возвращался к этому переживанию:

«И вдруг Нехлюдов вспомнил, что точно также он когда то давно слышал здесь на реке эти звуки вальков по мокрому белью из-за равномерного шума мельницы, и точно также весенний ветер шевелил его волосами на мокром лбу и листками на изрезанном ножом подоконнике, и точно также испуганно пролетела мимо уха муха, и он не то что вспомнил себя 18-ти летним мальчиком, но почувствовал себя таким же, с тою же свежестью, чистотой и бесконечно исполненным самых великих возможностей в будущем и

вместе с тем, как это бывает во сне, он знал, что этого уже нет, и ему стало ужасно грустно“...

Снова повторяются указания на внезапность чувства, невозможность точно локализовать „воспоминание“ во времени, предшествующее ритмическое раздражение иллюзии зрения, слуха, осязания и общего чувства; подчеркивается разница меж обычным воспоминанием и чувством тожества настоящего с прошлым, сновидностью всей картины.

Намек Толстого на сновидность разрастается у Достоевского чуть ли не в главный мотив повести „Сон смешного человека“ (из дневника писателя за 1877 год). В другом месте чувство „уже виденного“ переходит в бред, в галлюцинации, в одержимость. Постепенное отождествление чиновником Голядкиным своего двойника с собою рассматривается с психиатрической точки зрения (5), как пример зрительных галлюцинаций, как грань к помешательству (6). Раздвоение, раздробление, разврат и развал личности—одно из постоянных изображений Достоевского. Недаром он выбрал евангельский рассказ о бесах эпитафией к роману того же названия. Но посмотрим на дело с другой стороны. Галлюцинацией Голядкина („Двойник“) является не иной кто, как «он сам», „совершенно такой же“, он, зеркальное изображение, „двойник во всех отношениях“. Галлюцинацией становится сам видящий ее. Одна личность созерцает другую, одновременно происходит расщепление и соединение „Я“. Рассматривая эту галлюцинацию со стороны его субъективного содержания мы можем усмотреть зерно, начаток подобного состояния в иллюзии „уже пережитого“. Миг переживания человека здорового растягивается в минуту, час, дни и месяцы у душевно больного. Двойничество, двойственная память, двойное сознание, удвояющие обманы памяти ведут к одному корню. Где испытанное ли переживание иллюзии «уже виденного» дало повод и канву для изображения Достоевского, для видения двойника великим Гете, старцем с душою юности, для грез и вещей снов юных первобытных народов... «Сон смешного человека» снова возвращает нас к изображению «сладкого, зовущего чувства» уже виденного, узнаванию тожества.

— «Мы неслись в темных и неведомых пространствах... Я ждал чего-то в странной, измучившей мое сердце, тоске. И вдруг какое-то знакомое и в высшей степени зовущее чувство сотрясло меня. Я увидел вдруг наше солнце. Я знал, что это не могло быть *наше* солнце, зародившее *нашу* землю и что мы от нашего солнца на бесконечном расстоянии, но я *знал*, почему-то *всем существом моим*, что это совершенно такое же солнце, как и наше, повторение его, *двойник* его. Сладкое, зовущее чувство зазвучала восторгом в душе моей...

Я вдруг, совсем как бы для меня незаметно, стал на этой другой земле... О, все было точно также, как у нас... Люди... теснились ко мне... они не спрашивали меня ни о чем, но как бы все уже знали, так мне казалось.

Здесь сгущаются все черты „уже виденного“—властность чувства, узнавание всем существом, предчувствие, вытеснение из поля сознания всего постороннего главному чувству, аффективная сила, первозданность из предшествующей душевной смуты, возвращение на само «Я» внешних объектов, приписывание другим тождественного душевного состояния. „В этот момент“, говорит Достоевский в другом месте, об аналогичном состоянии, «становится понятным необычайное слово о том, что времени больше не будет»... Здесь мы чувствуем ту же неспособность дать «воспоминанию» свое точное место во времени, как и в иллюзии уже виденного.

Совместное описание полета во сне и «уже пережитого» находится у И. С. Тургенева в рассказе «Призраки» (1863 г.). Узнается никогда не виданная женщина. «Мне показалось, что я видел ее прежде; но где, когда». «Лицо... опять показалось мне знакомым»... «...Эллис—женщина, которую я когда-то знал, и я делал страшные усилия, чтобы припомнить где я ее видел... Вот, вот, казалось иногда—сейчас, сию минуту вспомню... Куда, все опять расплывалось, как сон».

Сопутствующий полет доставляет «приятность». Все исчезает разом: «всякий свет, всякий звук—и самое почти сознание. Одно ощущение жизни осталось—и это не было неприятно».

Легчайшими штрихами намечает Тургенев контуры «уже виденного»—«когда-то видел», «когда-то знал». Но постоянное указание на узнавание, но неоднократное возвращение к этому чувству, состояние сознания, обстановка явления монотонное раздражение. (Все было безмолвно, только где-то уединенно незримо плескалась вода... всегда да, всегда да...), невозможность локализации воспоминания—все это дает возможность подозревать знакомство автора с ощущением воспоминания настоящего. В «Трех встречах», написанных на 12 лет раньше, мы видим резче выраженное стремление к отождествлению трех моментов, пережитых автором в разное время. Снова однообразный шум воды, предшествующий первой «встрече». Ночь, одиночество, предчувствия, внезапные иллюзии зрения, слуха, осязания обоняния и широкое чувство тождества обстановки и самосознания, снова указания на сновидность переживаемого, снова сновидение полета с незнакомой и в тоже время искони знакомой женщиной.

В таинственной обстановке маскарада Тургенев слышит то же, что и Лермонтов. Жадно ищет он свое зеркальное отображение, свое «уже прожитое» («Три встречи» — последняя встреча).

Через двенадцать лет после написания «Признаков» Тургенев ищет разгадку воспоминаний настоящего в сновидениях, которые будто исполняются до мелочей точно в действительной жизни. Таков «Сон», написанный в 1876 г. (Сюлли (7) высказал ту же мысль научно в 1882 году). Семнадцатилетний юноша, слабый и нервный, замкнутый, мечтательный, мешающий сны с действительностью, видит однажды особенно поразивший его «вещий» сон, который с точностью и осуществляется в действительности:—«Человек этот до того показался мне знакомым, каждая черта его смуглого, желтого лица, вся его фигура—до того несомненно запечатлелись в моей памяти, что я не мог не остановиться перед ним, не мог не задавать себе вопроса: кто этот человек, где я его видел...

Этот человек был тот отец, которого я отыскивал которого я видел во сне.

Не было возможности ошибиться, — сходство было слишком поразительно. Самый даже долгополый балахон, облекавший его художавые члены, цветом и складом напоминал тот шляфрок, в котором являлся мне мой отец. Уж не сплю ли я. Подумалось мне. Нет... Теперь день. Кругом шумит толпа...

...Я шел... я ждал чего-то необыкновенного с странным ощущением на сердце... Предо мною длинная, уская и совершенно пустая улица; утренний туман залил ее всю своим тусклым свинцом, но взор мой проникает до самого ее конца, я могу перечесть все ее строения... Я изумился... но на одно только мгновение, другое чувство тотчас овладело мною; это улица... я ее узнал. Это была улица моего сна, вот направо, выходя углом на тротуар, и дом моего сна, вот и старинные ворота с каменными завитушками... Так; все так... вот и доски и бревна, виденные мною во сне...»—

Блуждания юноши, как у одержимых падучей, „без мыслей, без ощущений“, под „равномерный глухой и сердитый шум моря“, плещущагося шагах в пятидесяти среди «однообразной скатерти песчаных берегов» заканчиваются находкой трупа «ночного», виденного во сне отца.—«Несколько мгновений»—узнавания прошлого—«ничего в душе моей не было, кроме немолчного морского плеска и немного страха перед овладевшей мною судьбой...».

Видел ли герой повести прежде действительно сон, а потом пережил явь, Тургенев оставляет невыясненным, ого-

вариваясь в конце рассказа— „Мать подивилась, отчего я прежде (встречи с отцом) никогда не упоминал о моем странном сне... Эта оговорка психологически верна. Проще предположить, что сон был выдуман или дополнен при бессилии мысли, охваченной всепоглащающим переживанием воспоминания настоящего. Предрасполагающей причиной оттенена наследственность, болезненность, беспорядочная семейная обстановка. Явление нарастает постепенно, шаг за шагом подготавливается своеобразная „аура“, как перед припадком падучей. С одной стороны мы присутствуем при разрешении сложного „ущемленного аффекта“, с другой—при переживании, тоже аффективном, „уже виденного“.

Один железнодорожник, ни прежде ни теперь не знакомый с рассказом Тургенева пишет: „Лет восьми я поехал с матерью в Москву, где жил мой отец. В квартире я с матерью поскандалил. Я знал, что отец работает где-то на станции. Поссорившись, я побежал к нему, но у него прежде я никогда не был, но как то случайно попал, и мне вся железнодорожная обстановка показалась знакомой до мелочей, и я нашел отца... „Этому железнодорожнику сейчас 18 лет“.

Дома и улицы города часто служат сценой для „уже виденного“. Идея „трех встреч“ находит подражателя в лице некоего Бранчанинова А. А., поместившего в „Русском Вестнике“ за 1867 год рассказ „Три свидания“, рассказ весьма похож на Тургеневский, но здесь уже возможны сомнения в оригинальности. Бранчанинов был земляком Тургенева. Но, быть может, само „уже виденное“ призвало к литературной жизни оба рассказа.

Незадолго до смерти Тургенев снова возвращается к теме совпадений сна и действительности, опять слышится музыкальный ритм, предваряющий явление, опять недоконченность, недоговоренность находят свое завершение и удовлетворение в повторении прошлого. („Песнь Торжествующей любви“).

Картина моря, его ритм, ударяющий о душу юноши в „Сне“ Тургенева и подготавливающий воспоминание настоящего воспроизведены впоследствии Лоти в „Романе ребенка“, написанном в 1890-м году. Юноша в первый раз на берегу моря, и он *знает* это море, небо над ним, шум волн, все краски... „Ни минуты сомнения, это уже было прежде... Как будто я его уже видел. Быть может, пятимесячным ребенком, когда меня возили на остров к сестре моей бабушки, я бессознательно уже видел его. Или мои предки—моряки, так часто видели море, что я уже имел в голове смутный отблеск его бесконечности, когда появился на свет“... (8). Оба допущения Лоти имеют многоликие изложения в разнообразнейших тсориях психологов (9). Они ведут в глубокое

прошлое индивидуума и рода. И в том и в другом случае разгадка ищется в чем то или детском или первобытном. Но мельчайшие детали картины повторения прошлого, малейшая индивидуальная окраска прожитого мига восстанавливают у современника Лоти древнее учение о переселении перевоплощении, метампсихозе. Это—и онтогенез лица и филогенез рода, иббу и гильгуль каббалы.

Поль Верлэн так передает свое переживание.

„Будет миг—и острый и неясный,
Будто пережитый в сердце града грез...

Рок тогда надвинется, как смертная угроза...

В разуме угаснут все причины...

Дважды те же будут лица в миг кончины,
Медленно спаяется кольцо метампсихоза“...

Здесь умышленно дан вольный и ритмический перевод нескольких строк „Калейдоскопа“, благодаря которому резче выступают намеки Верлена на характерные черты иллюзии, о которой несомненно идет речь в приводимом отрывке. Внезапность нахлынувшего чувства, его раздирающая острота и вместе неясность, противоречие, в настоящем видение прошлого, особая жизнь мгновенья—все указано сжато и свежо. Роковая неотвратимость, схожая с роковой чертой смерти, изменение меры времени, как у умирающих (11) оскудение мысли, сужение сознания, своеобразное углубление восприятия, его кажущаяся двойственность и, как заключительный аккорд, медленное пробуждение в метампсихозе.

„Перевоплощение“—вот нить, нанизывающая на себя явления. Два зеркала калейдоскопа, сразу и дважды отражающие мир—вот образ воспоминания настоящего. Таково изображение у Верлена; у Тютчева подобное настроение передано в стихотворении „Святая ночь на небосклон взошла“... Зедлиц сравнивает иллюзию „уже виденного“ с положениями стрелок на циферблате через двенадцать часов, они пересекут те же места, в том же расстоянии друг от друга (12). Коллинз, Шелли, Вордсворт, П. Бурже, Шпильгаген (13) дают нам описания отождествляющих воспоминаний, не объясняя причин их возникновения, но поэтическим чутьем угадывая их обстановку. Джек Лондон строит целый роман на переживании повторения прошлого—„Блуждающая звезда“ (14).

Но везде характерные признаки явления указаны те же. Будто сами поэты—зеркала верленовского калейдоскопа, то один, то другой отбрасывающие от себя непонятное и неопишуемое чувство.

Так точно ступала лошадка; такие ж тащила мешки,
Такие ж у мельницы шаткой сидели в траве мужики...

.
. И так же шумела вода—

Все это уж было когда-то, но только не помню когда...

Здесь последовательно изображены все фразы явления, оно все перед нами. Фет („Горное ущелье“), Вл. Соловьев („Память“) тоже внесли свою лепту описаниям иллюзии.

Пятнадцатилетний ученик школы второй ступени, сходно с Толстым, описывает появление прошлого в настоящем. «Это случилось, когда я подошел задумавшись к плотине мельницы и когда я подходил, то шлюз был закрыт, но не доходя 15-ти шагов мельник открыл шлюз и шум воды меня остановил, и мне почувствовалось, что когда то все это уже было точь-в-точь“.

Более расплывчатые попытки к отождествлению личностей и обстановки встречаем у Роденбаха («Мертвый Брюгге»), Лазаревского («Умершая»), По («Двойник»), Свенцицкого В. («Антихрист»)..

Очевидно, эта тема привлекает с давних пор в одинаковой мере и русских и иностранцев. Но в то время, как во Франции и Германии (15) изучение „ложной памяти“ выдвинулось в начале столетия в самостоятельную психологическую проблему, у нас и в художественной и в научной литературе не обобщалось большое количество разносортных наблюдений. В России, по почину покойного профессора Чижа, существует особая отрасль психопатологии—именно, изучение ее по образцам русской художественной литературы. В наше время, если равняться по немцам, открывается громадное поле для работы в этой области, равно вообще в психологии болезненного творчества. За покойным профессором Чижом, Сикорским, Баженовым, следует ряд отечественных авторов (16). Все же русская „ПатогRAFия“, как иные называют изучение великих людей с психиатрической стороны, и „психография“—наблюдения писателей над человеческой душой—насчитывают еще мало работ (17). Немцы опередили нас. Там мы найдем анализ творчества Достоевского (напр. Нейфельд), психологический разбор удивительных Тургеневских рассказов... Но, несомненно, литературные образы, жизнь созданная на страницах поэтических произведений становится и станет предметом специального изучения психологов и психиатров. Недаром пророчески сказал Чиж:—„Собрание сочинения Достоевского—это почти полная психопатология“. Как хирургия и внутренняя медицина находят общую, „пограничную“ область, так и психиатрия должна найти с художественным творчеством новую форму совместной работы.

На ряду с крайней специализацией идет и обратный процесс. Разные пути ведут к одному центру. Изучение высшей нервной деятельности физиологами (18), психиатрами (19), физиками (20), психоаналитиками (21), писателями (22) ведет к новым поразительным обобщениям. И мы вочью убеждаемся, как стремятся представители разных отраслей знания перешагнуть свою специальность. За два последние годы в немецкой медицине ясней и ясней слышится тоска о прошлой универсальности, переиздаются труды старых, даже древних врачей. В предреволюционных сумерках психиатрии воцаряются неведомые вожди.

В частности, воспоминанию настоящего в изображении русских писателей, не посвящено, кажется, ни одной русской работы. О повести Достоевского „Двойник“ проф. Чиж пишет:— „К сожалению в повести введен случайный (видение двойника) элемент, и поэтому на сцену выступают явления черезчур редкие и неинтересные“... Если можно согласиться, что явление принадлежит к редкостям в психиатрии, то нельзя назвать его неинтересным. Нужно пытаться выявить условия его возникновения как у здорового (Гете), так и у больного. Если болезнь есть подавление, сужение одних жизненных проявлений организма и усиление других, если изучению больного должно предшествовать изучение здорового организма, то и разгадку галлюцинаций двойничества, быть может, нужно искать в здоровой душе. В грезах народа, в его художественном творчестве на протяжении веков мы видим туманные образы двойников. Они не редки и не лишены глубокого интереса. Насколько тожество исключено в природе подобием—настолько людское творчество стремится утвердить обратное, хотя бы в грезах, во сне, в религии, в философии, в изомериях химии, в зеркалах физики. Глубокое желание тожества, повторения, ритма, зеркального изображения—есть неотъемлемое свойство человека.

Как узнавание окрашено легкостью, приятностью душевного тона, так переживание „уже виденного“ нередко характеризуется необычайной яркостью ощущения жизни. Подобно ауре перед припадком „ум и сердце озаряются необыкновенным светом... Ощущение дает неслышанное чувство полноты, меры, примирения“ („Идиот“ Достоевского). Так характеризует Достоевский переживания „эпилептика“ (?) Мышкина в миг перед припадком (23). Близкое к этому состояние мы уже видели во „Сне смешного человека“, там аура заменена сновидением. Проф. Чиж, упоминая о „Дневнике писателя“ за 1877 год, совершенно умалчивает о приводимом рассказе.

В следующем труде проф. Чиж—„Тургенев, как психопатолог“ также не находим никаких указаний на описываемую и любимую Тургеньевым иллюзию воспоминания на-

стоящего. Другие авторы (17) совершенно не касаются рассматриваемого вопроса.

„Психологическая и психоаналитическая библиотека“ под редакцией Ив. Дм. Ермакова, обещает дать ряд этюдов о русских писателях. Можно надеяться, что там мы встретимся с затронутой темой

В специальных русских журналах сведения разбросаны и крайне скудны. Правда, в „Архиве“ Ковалевского (24) проф. Гутников четко описал *патологический* случай *длительной* иллюзии уже пережитого у душевно-больного, который утверждал, что обстановку больницы, ухаживающий персонал, врачей, он уже видел давно во сне. В различных руководствах психиатрии найдем несколько замечаний в главах о памяти. В сочинениях посвященных исключительно расстройствам памяти (25) упоминается об „иллюзии“ вскользь. Нам кажется, что вопрос рассматривается до известной степени односторонне, как изолированный симптом, с внешней формы определяемый как расстройство памяти. Но поскольку субъективные признаки и симптомы удовлетворяют современного психиатра, постольку мы свободны расширить рамки субъективнейшего явления. Особенно французы на все лады описывали „уже виденное“. Лица, подверженные иллюзии, испытывают неопровержимую уверенность, что данное впечатление получаемо во второй раз. Иллюзия проявляется весьма резко и длится от долей секунды—у людей нормальных—до часов, дней и годов—у душевно-больных. Она наступает внезапно, „как стрела пронзает“ разум, „как молния освещает душу“, являет сразу все детали, будто каждая мелочь одновременно с другими занимает центр восприятия. Если внимание и перебегает от одного предмета к другому, то лишь удостоверяется в исполнении, в тождестве уже предугаданному. Воспоминание находит оригинал, по которому тосковало. Вместо пунктирного круга, состоящего из черточек—впечатлений, мы созерцаем круг из сплошной линии. Такова полнота восприятия иллюзии. Мы целиком заняты восприятием тождества, наше внимание сковано, обычный ассоциативный процесс заторможен. Порядок размещения впечатлений во времени нарушен. Воображение совершенно бездействует, так как мечта становится действительностью. Часть не занимает сознания, оно занято „все“. „Все“ единственный актер сцены. Будто мы пересекаем сферу иного мира, на миг становимся чужды своей привычной жизни и в то же время здесь нет совершенно ничего нового—ни предмета, ни взаимодействия. Мы уже предчувствовали, уже знали, „уже пережили“ это „все“. Вещи кажутся лишенными реальности, свой внутренний мир—у порога сна. Прошное отождествляется с настоящим, уже заключает какое-то будущее.

Описания переживаний носят негативистический характер, преобладают отрицательные определения, неясности, противоречия в выражениях, попытки сравнений. Переживание окрашивается чувством изумления, волнения, натянутости, тоски, очарования, оригинальности, девственной свежести, беспричинного страха, неиз'яснимой сладости, неизбежности, сновидностью, автоматизмом. Из соматических проявлений отмечают: сжатие в груди, головокружение, дрожь, слабость, глубокое дыхание... Разбираясь в путанной терминологии краткого мига „иллюзии“, мы усматриваем возбуждающую окраску момента действия, его глубину, и неясность и напряженность до и после. В этом организме памяти легко видеть неприметные доселе, но постоянно нарастающие влечения памяти к единоличному захвату сознания в самом деле, в настоящем. Туманные, но точно размещенные во времени и пространстве образы воспоминаний—вдруг становятся действительными, на миг запружают поток времени и смысляют прежние грани пространственных отношений. Мы узнаем свое былое, но не знаем, где и когда оно совершилось. Разочарование, поиски, новые ожидания остаются нам после „припадка“ Только где-то далеко притаится сознание пережитого полного тождества.

Упрощая и обобщая единичные переживания, мы можем выделить очертания, наметить приблизительное построение „припадка“ воспоминания настоящего.

Память—основная познавательная функция разума, корень нашей духовной личности—определяет своими слагаемыми это построение, этот порядок в интеллектуальной его половине. Мать Муз, т. е. всех родов духовного творчества—у древних (26), „сохраняющее начало в смене органических явлений“—у новых (27).—память уже по названию есть *мысль* по преимуществу (28). Нельзя каждый психический акт обособлять, так как он является результатом деятельности *всего* организма, затрагивает все „я“. Но пока не настало время для целостного и „индивидуального“ знания нужно дробить и огрублять части (29).

Восприятие всякого внешнего и внутреннего раздражения зависит от надлежащего функционирования периферической и центральной чувственной области, при определенном напряжении внимания и наличии воспринимающего сознания. Извращение восприятия представляется возможным на всем пути. Так, у больных спинной сухоткой мы наблюдаем иногда запаздывание восприятия раздражений. Наблюдение это в свое время легло в основу анатомической схемы для объяснения иллюзии воспоминания настоящего. Как и у табетиков, у здоровых, подверженных повторениям прошлого, предполагалось наличие органических изменений в нервных волокнах и клетках.

Обычно ощущение и восприятие следуют неразрывно друг за другом. Но бывает, что миг времени, расположенный между этапами сознания, растягивается. Тогда восприятие запаздывает. И в тот момент, когда представление связывается с сознающей личностью, рассудку кажется, что содержание этого представления приобретено когда-то прежде, а о связи двух моментов мы забываем. „Уже виденное“ является здесь *восприятием в особенности*, отодвинутым в прошлое, „опрошенным“, ретроспективным. Какого рода изменения происходят в нервной системе не указывается, предполагая достаточную аналогию с табес (30). Это объяснение кажется в настоящее время искусственным. Патология задержек проведения не подтверждает этого (31). Если бы даже первым членом мы считали „периферический нейрон“, а последующим «головной анализатор», — человеческий голос и эхо — объяснение было бы одинаково далеко от нас.

С другой стороны, возможно отнесение ощущений из центра на периферию, быть может через посредство центростремительных волокон, пробегающих в чувствующих центростремительных нервах. Быть может, клетки коры, нервные центры, лишь перепутья для нервных токов. Восприятие и отдача, накопление и разряд, торможение и растормаживание, быть может, идут в обе стороны (32). Особенно, если пойти по следам самобытной русской философской мысли, (33) утверждающей реальное выхождение познающего из себя, реальное единение познающего и познаваемого, тогда восприятие прошлого в настоящем имеет корни в самом ядре духовной личности. Оттуда начинается круг, быть может, совпадая, налагаясь на обычное периферическое восприятие в момент иллюзии.

Механизм центрального происхождения явления приравнивается к условиям возникновения иллюзий и галлюцинаций вообще, к фантазмам перцепции. Различные нечувственные раздражения (кровенаполнение и пр.) могут создать условия своеобразной возбудимости „центров перцепций“, как в присутствии внешнего раздражения (иллюзии), так и без него (галлюцинации). Довольно рано мы встречаем в литературе обозначение воспоминаний настоящего, как „иллюзию памяти“ (34, 35), „галлюцинацию памяти“ (36). Действующее раздражение предполагается существующим несомненно, тогда как кажущееся воспоминание есть галлюцинация, яркая и мощная, захватывающая сознание и оттесняющая действительность в область бледных воспоминаний. Эта перетасовка является объяснением явления (37).

Все образы текучего сознания удерживаются в нем особым волевым усилием внимания. В сознательной жизни постоянно осуществляется синтетическое напряжение, проис-

ходит постоянное связывание различных звеньев внутреннего поля зрения. Состояние нашего внимания испытывает резкие изменения в момент повторения прошлого. Рассеянность предшествует явлению. Затем следует внезапный скачек, схватываются малейшие детали. За этим мгновенным усвоением лежит недоступность к другим ближайшим впечатлениям, наступает скованность внимания. Можно и принять и другой порядок и характеризовать „уже виденное“ коротким промежутком рассеянности между двумя восприятиями одного и того же объекта (38). „А“ наблюдаемое рассеянно. потом то же „А“, но перцепируя. Но, возможно, само явление натягивает и распускает узду внимания.

Фантазия, выпущенная на волю ослабленным недисциплинированным вниманием (юношеский возраст), быть может, утверждает тождество двух состояний, возникающих лишь намеком в сознании (39).

Обычно авторы, сами пережившие воспоминания настоящего (40), указывают на утомление и в частности утомление внимания перед наступлением иллюзии. Иными отмечается особая внезапность падения психофизических функций, подобно наркозу, подобно припадку эпилепсии (41). Это—есть „психолептический криз“, подобно всякого рода кризам (42). Это—„инвагинация внимания“, разрыв между высшим и низшим психизмом, имеющий место при уменьшении напряжения внимания (43).

Мы стоим у порога сознания, на грани темного безсознательного. Внешние впечатления смешиваются с внутренними психическими процессами. Воспоминание настоящего, как Янус древних, смотрит по обе стороны. настоящее и прошлое скрещиваются здесь. здесь „Януа“—дверь. вход и выход. Сновидность, встреча бодрствующего сознания с гипнотическим, аутогипноз, состояние гипногогическое, пробуждение особых центров подсознательного—так по разному намечаются своеобразные изменения восприятия и сознания при повторении прошлого (44)

Воспоминание настоящего часто следует за звуками, отличающимися монотонностью, за однообразными движениями, ритмическими повторениями, однообразием зрительных впечатлений. Белюгу (45) рассказывает о своих переживаниях повторения прошлого после монотонной церковной службы в Вестминстерском аббатстве. Жан де Пюри (46) после долгого пребывания на берегу Сены, Виган (47) после монотонного погребального пения и траурной процессии похорон принцессы Шарлотты. Аньель испытал воспоминания настоящего в картинной галлерее. Кантарини в Венеции. Эллис—после продолжительного осмотра развалин Пенвенсей—Касля. Сами авторы не решают положительно—

утомление, аутогипноз или иная действующая причина лежит в основе появления «иллюзии».

Первая фаза (прошлое), слагающая повторение прошлого, могла быть воспринята бессознательно, когда-либо прежде. Мы видим и слышим во второй раз только то, что мы когда-либо действительно видели и слышали (48). У старых авторов есть много описаний подобных случаев (49). Находят потерянную брошку в магазине меж газет, и кажется, что когда-то прежде находили брошку именно в той газете. Находят потерянный опал в саду именно там, где когда-то находили. Кажется, это именно место видели во сне. Высказывается возможность, что при поисках утерянные предметы попадали в поле зрения, но не осознавались.

В далеком детстве могли запечатлеться картины, долженствующие впоследствии дать иллюзию переживаемого тождества прошлого в настоящем. Маленькая девочка, еще не умеющая говорить, была привезена к умирающей матери. Она же—солидная дама—попав в ту же комнату во второй раз, узнает все мелочи обстановки. Артист узнает замок в Сэссексе до мелочей—он был там нескольких месяцев от роду. Настоящее, налагаясь на всплывающее в сознании прошлое дает вторую фазу воспоминания настоящего...

Быть может, сновидения дают материал для отождествления прошлого в миге настоящего. Сны повторяются, т. е. повторение прошлого возможно во сне (50). Вспомним Пушкина—«И три раза мне снился тот же сон»...

Некоторые утверждают, что сны вполне готовят собой картину совпадения в действительной жизни (51), другие считают возможным допустить более отдаленную связь между настоящей явью и прошлым сном. (52). Наши сновидения могут ввести нас в иллюзорные воспоминания. Орывки снов оживают в нас на короткие мгновения, когда в настоящем случайное сходство нападает на проложенный след. «Внезапно вспыхивают огоньки из нашего мира сновидений, но вспышки так коротки, так не полны, что не могут в точности осветить область, откуда они светят». (36). В поисках ассоциативных связей, спускаются за ними в сновидения. (53). «Жизнь ко сну»—старость и нежная юность, будто бы особенно склонны к «опрошлению» настоящего. У душевно больных отнесение первой фазы иллюзии ко сну отмечается чаще, чем у здоровых. (44, 24). В таинственном тумане бессознательного расплываются дороги, предметы сливаются, и мы напрасно стали бы искать резких штрихов, дающих вразумительное объяснение, напрасно зывали бы о точном определении. Мы попадаем в некое промежуточное место меж материальными и психическими процессами, которое служит и отрицанием и вместе утверждением в наличии явления. Существеннейшая черта иллюзии—совпадение

до мелочей, тожество—в конце концов остается без объяснения и подменяется подобием.

Личное настроение, чувственная окраска узнавания—при схожести—кажутся способными создать из настоящего иллюзию прошлого. (54). Нельзя отрицать, что каждая отдельная мысль, каждое влечение, восприятие, вызывают в нашем самочувствии тончайшие изменения. Быть может, воспроизведение известного тона, оттенка в самочувствии лежит в основе узнавания хранящихся в памяти следов („энграмм“) ушедших событий или мыслей. (55).

Мы переживаем прошлые настроения и потому то отождествляем прошлое с настоящим. Если переживание слабо-простое воспоминание, если сильно и свежо—воспоминание настоящего Узнавание—дитя чувства.

Первичное отождествление не иное что, как чувство удобства, легкости при восприятии действительности. „Уже пережитое“ погружает нас в особое чувство беспрепятственности, наше душевное состояние становится тождественным с находимым в узнавании (56, 57, 58). Сочетательная и чувственная деятельность при известном напряжении их протекают гармонично в цельной личности. Известная постепенность неотъемлима от здоровья. Узнавая, узнаем обычно одну вещь, на которую обращаем внимание. Воспоминание настоящего ударяет внезапно по всем струнам, внешнее и личное сразу вторгаются в сознание. „Я“ становится страдающим лицом—„с ним делается“, а уже не „он делает“. Расслоение «Я», потеря личности, деперсонализация отличают переживание иллюзии. (59). Ассоциативный процесс лишается волевой узды, стираются границы действительности. Первобытное, аутистическое мышление становится полновластным хозяином. Рефлекторная дуга замыкается сама на себя. Восприятие не вызывает воспоминания, сочетательно связанного, а само становится воспоминанием, оставаясь в то же время и раздражением. Течение останавливается, возвращается вспять.

Допуская более бледные проявления иллюзии и вместе с тем стремясь ввести явление в рамки дисциплинированного мышления, возможно предположить вместо сходства настроений и самочувствия простую ассоциативную связь настоящих впечатлений с былыми. «Навстречу наступающим впечатлениям из глубины души поднимаются все когда-либо полученное» (60), подобные им. Две волны сливаются в цельный акт в одно объединяющее грежнее и новое представление. Впрочем, сочетательная связь в зависимости от субъективного состояния вероятно важнейшее из условий для связи представлений. Для взрослого все связано с предидущим, со знанием, приносимым нам извне. Еще древние считали знание воспоминанием (61). Мы лишены девственности

впечатлений, мы изгнаны из первобытного земного рая, хотя бы разум и убеждал нас в свежести, в новизне последующих. Мы лишены прелести первого мирового дня... Воспоминание настоящего иногда представляется совершенно новым, невиданным. Станным, противоречивым образом знакомое, узнаваемое, „наше“ воспринимается вместе с тем и совершенно новым, без всякого касания к окружающему (42, 38).

Бывает, что мы как-будто схватываем прозрачную связь, как будто признаем часть прошлого в иллюзии, прошлого, действительно бывшего. Является возможность утверждать (62) схожесть прошлых впечатлений (63), бывших как-будто в фантазии, как-будто во сне или на яву. Многие говорят за разумность поисков этой действительной были. Мы ищем, как название забытого слова, в своей памяти прежних пережитых образом.

Бледность впечатлений настоящей минуты и сходство ее с прежней обстановкой или хотя бы с прежними образами фантазии (64) дает повод к „зеркальному изображению“ (65) настоящего в прошлом. „Воспоминание находит оригинал, которого искало“. Неясные связи прошлого сознательного (66) или бессознательного (67) имеют силу создать его в настоящем.

Быть может, нужно найти мост между ассоциациями и иллюзиями. Ассоциативное воспоминание занимает индивидуальное, локализованное во времени место; иллюзия „уже виденного“ здоровыми не может быть отнесена к определенному прошлому. Лишь душевно-больные способны сказать: „То, что я вижу сейчас, я „уже видел“ до мелочей таким же три года назад“.

Можно представлять себе память не как собрание следов и отпечатков, тлеющих в глубине личности, а как группу динамических ассоциаций, устойчивых и легко оживляемых (68). Расстройства в их сочетаниях могут вызвать неопределенность размещения образов прошлого во времени (Сравни. 69). Представление пространственно временных отношений колеблется. Мы встречаем описания провидения, настойчивые указания на их неоспоримость при переживании „уже пережитого“. (43, 42, 54, 50, 57). Подобные предчувствия описаны у истеричных (70). У больных шизофренией, парафренией никаких прозрений во время переживания не отмечают.

Шестнадцатилетний ученик школы второй ступени пишет: „Я приехал в первый раз к брату, врачу Дерновской больницы. Когда я пошел через час осматривать здание и шел по корридору, то мне показалось, что я уже здесь был. Когда я увидел дверь в комнату, то мне показалось, что я когда-то был уже в этой закрытой комнате, знал ее рас-

положение и все предметы в ней. Когда я вошел, то так, как я думал, так и было".

Как во время реактивного психоза современных последственных, которым грозит смертная казнь (71), как во сне (72), как под влиянием наркотиков, как у умирающих (73)—восприятие времени в переживании прошлого в настоящем своеобразно. Постоянство времени теряет свою силу, как в разных системах, движущихся с различной скоростью (74), будто незримый поступательный ритм жизни изменяет скорость своего размаха. Мера времени представляется такое же «относительной», как и величина нашей «душевной скорости». Субъективная оценка (75) временно пространственных отношений может и прекратить для нас течение времени (бессознательное состояние) и бесконечно ускорить (маниакальное возбуждение).

Можно понимать время как форму внутреннего чувства, искони данного (априорного), заложенного в нас (76) или связывать представление о течении времени с содержанием сознания, представляя его как результирующую форму процессов сознания (77). В обоих случаях понимания, восприятие времени приводит к ядру нашего Я.

Точно также образование пространственных представлений можно искать в физиологическом устройстве органов чувств (78) или в форме изначально присущей способности, (79), применяемой по поводу чувственных раздражений.

Ассоциативное слияние ощущений от движения наших членов играет роль в образовании представления пространства, элементарные составные части которого не могут быть изолированы друг от друга в кинематографе нашего непосредственного восприятия. И здесь дается лишь результирующий продукт—пространственное наглядное представление.

В многомерном мире пространство и время не представляют двух совершенно различных сущностей, которые можно рассматривать отдельно друг от друга но являются двумя частями одного и того же целого (80). Причинное же действие первого по времени события на второе молча допускается нами. Только потрясения, затрагивающие глубокие слои личности, способны сместить временно пространственные восприятия и сообщить свой «уклон» ассоциативным процессам. При попытках точной обрисовки слагаемых воспоминания настоящего мы встречаем те же затруднения, что и при обозначений других субъективных ощущений. Эта несказанность, непередаваемость приводит к языку аналогий, которыми стремятся выразить сущность явления. Всякое впечатление сопровождается как-бы эхом (81), которое повторяет и фиксирует впечатление в нашем сознании. Это слабый образ

действительного. Благодаря нарушению одновременности действия («синэргии») центров может случиться, что «внутренний стереоскоп» окажется в расстройстве, когда оба образа не сливаются для изображения одной картины. Более слабый как мираж отбрасывается в прошедшее. Это двойное ищет себе почву в анатомической догадке (82), предполагающей ту же неодновременность действия в полушариях большого мозга. Сначала слабо, воспринимает одно полушарие, потом другое. Картина сдвигается, как при отдавливании глазного яблока в сторону. В мозгу, как в призме, под влиянием психических причин происходит раздвоение образа, отбрасываемого на два разных плана—«диплопия во времени» (46). Частный случай предугадывания фраз находит свое объяснение в телепатии (83). „Мы думаем друг к другу“, как выражается Уэльс в одной из последних повестей...

Память различными своими слагаемыми принимает участие в создании «уже виденного». Большинство из этих слагаемых привлекается для кажущегося объяснения различных сторон явлений. Восприятие, запечатление, внимание, сохранение образом, забвение, воспроизведение, узнавание, локализация образов воспоминаний во времени и отнесения их к определенному месту, специфическая окраска воспоминаний, как событий минувших, разыгрывающиеся ассоциативные процессы, сознание, анатомическая основа процессов—все это не остается в покое при наличии «уже виденного». Равно и при поисках причины то или иное кладется во главу угла.

Со времени Спенсера ту же память можно рассматривать как зачаточный инстинкт. Наследственность имеет то же значение для рода, которое память имеет для отдельного лица. Быть может, предки внедряют вековой опыт в глубины «Я» своих потомков. Картины давно минувшего, мелькнувшие перед праотцами, оживают под тождественным переживанием молодых. Сын моряков, никогда не видевший моря, воспринимает картину прибоя, как уже виденную (36, 61).

В древности, лишенной строгого разделения научных дисциплин, было возможно создание проникновенных догадок о вечном становлении, о круговом прецессе мира. Широкое чувство «уже виденного», быть может, только намек на это переживание, могло быть одним из факторов в процессе создания подобного мирозерцания. Почва, возраставшая «повторение», и там и здесь одна, присущая ряду людских поколений. Искони, на заре цивилизации, существует предстание о вторичном возрождении, о новой жизни в образе другого существа. Гадают при рождении ребенка, кто именно из предков возродился к жизни. Сны подтверждают гадания. Браманизм, будизм с его „колесом жизни“, до известной степени—Египет, принимают идею метампсихоза. Греческая философия не чужда идеи переселения душ. Представители

еврейской «Каббалы» с их двумя видами перевоплощения и десятью сферами бытия (сефироты), христианские секты, европейское схоластическое, церковное средне-вековое наследуют древним учениям. В современных теориях наследственность неотступно бежит на ряду с эволюцией, на ряду с „совершенствами“ и отбором наследуется физическое и душевное „вырождение“, болезни. Наряду с колеблющимися около известной формы изменениями (флюктуации), возникают сразу новые формы (мутации) (84).

У истока идей эволюции, кармы метампсихоза зарождается, быть может, и идея воплощения прошлого в настоящем. Быть может, и течение ее по тому же уклону чрез неосчетное пространство бьющих впечатлений окружающего мира. Сказка „уже виденного“ присуща человечеству, она влечет нас к себе.

За фактом, за голою данностью мы попытаемся обрести и оправданность, нанизывая события на законы причинности и цели, разыскивая прошлое в настоящем.

При всяком понимании памяти (85) невозможно ограничить ее область колеблющимися очертаниями одного из трех царств—ума, чувства и воли. Переживание воспоминания настоящего поднимает свой бич над законными владельцами царств. «Память» потрясает сознание. Аффективная окраска явления, как современная „раздражающая терапия“, активизирует организм, возбуждает особые зоны его сочетательных деятельностей. Существует определенная зависимость между системами построений памяти и различными ценестезическими состояниями. По силе и резкости, «уже виденное» граничит с аффектами (86). Резец чувства, отмечающий в нашем сознании всякую мысль, здесь нажимает и быстро и вычурно.

Нежданно, без видимого повода, прошлое подменяет настоящее. Испытывается легкость, подвижность мышления, до известной степени напоминающая „вихрь идей“ маньяков, как передают лица, испытывшие то и другое ощущение. Волевое напряжение падает, уступая место автоматическим поискам деталей воспринимаемого. Двигательные процессы носят характер «скованности», бессилия. Дыхание задерживается, сердце работает сильнее. Задерживаются движения век. Поле сознания суживается. Восприятие тождества вытесняет прочие впечатления. По окончании наступает реакция—усталость, недоумение, как будто произошло что-то непонятное, что-то переменялось, произошла какая-то душевная перестановка. Трудно, конечно, установить, как выражается переживание в мимике. Если судить по субъективным ощущениям испытывших „уже виденное“, то дело можно представлять в следующем виде: лицевая мускулатура настраивается на внутреннее внимание, на воспроизведение тех движений, какие имели будто-бы место при кажущемся в прошлом восприятии.

Обычно, восприятия эти в прошлом не вызывали резких душевных движений. В некоторых случаях лицевые мускулы расслаблены, в положении туловища, рук и ног лежит субъективный отпечаток безопорности, беспомощности, «хочется к чему-нибудь прислониться», «сжаться»... Другие сравнивают ощущение своего физического образа с вспоминаемым своим юношеским и детским обликом. Один современный русский интеллигент характеризует переживание своей внешности в данный момент как чем-то похожее на простоту и безискусственность, свойственные изображениям детей — ангелов старинными итальянскими художниками. Если мимика имеет символический смысл (87), если мы на психические состояния одного рода символизируем реакциями другого рода (отворачивание носа на картинке Дарвина в знак презрения аналогично с отворачиванием от зловония и подоб.), то безволие и «самовоспоминание» — уже виденное — быть может, напоминает отдачу любимому, быть может любимому „Я“. Действительный „залог“ становится страдательным...

Конечно, субъективная оценка приобретает большую ценность при ее объективной проверке. Но вряд ли возможно было до настоящего времени объективное изучение воспоминания настоящего. Оно требует внимания именно к своему внутреннему миру, где „Я“ наблюдает свою личность и внешний мир, изменяемый своеобразным чувством тождества с прошлым.

Словесное изображение переживания в поэтическом и, быть может, в музыкальном, красочном творчестве должно послужить для новых научных розысков и проверок. Такое изображение часто идет рука об руку с инструментальным (плетизмограф, реостат, гальванометр, хроноскоп, пневмограф и т. д.).

„Субъективный язык человеческой речи показывает нам те же самые факты, какие с наглядностью демонстрируются объективным физиологическим инструментом. Оба метода дополняют друг друга“ (88). Разъединение признаков в лаборатории, необходимо, но постольку же нужно охватывать конкретные формы являемые жизнью и искусством.

Если находить сходное с аффектами, то „аффект воспоминания настоящего“ придется отнести к „смешанным“ в смысле Ланге.

Все душевное триединство захватывается явлением. Смешение настоящего с прошлым, мощь и своеобразие чувства, автоматизм объединяются в нечто целое, особое. Своеобразные состояния памяти, сознания, личности, подтверждают эту цельность построения, единство архитектурного плана „уже пережитого“. Оно представляется вполне обособленным психологическим явлением. В частности, вряд

ли возможно видеть здесь только „иллюзии памяти“, скорее здесь дело идет о явлении более общем и могучем, несмотря на его деликатность и трудность обозначения. Узоры субъективных переживаний, совершенно безконтрольных, определяют наше суждение о повторении прошлого. Свое собственное, непередаваемое и неприметное для других, личное до крайности, составляет существенную черту. Кусок *моей* жизни вновь живет *во мне*. Мой двойник бежит мне навстречу. Заостряются полюсы противоположных душевных процессов. Древний остов личности выступает из противоборствующих волн. Здесь прерывность. Здесь прошлое становится настоящим. Летящая стрела на миг застывает в воздухе. Десятилетний мальчик говорит о своем чувстве в таких же выражениях, что и мировая психиатрическая знаменитость. „Утомленное внимание от окружающего на миг влечет нас к самим себе“ (39). Упрямден ум, оставлено интеллектуальное усилие (89), легкость автоматизма пленяет нас. Невиданное и родное сливаются в общем чувстве. Нам уже не нужно искать полноценного вне нас, в объекте, оно и есть мы сами, хотя бы мы и являли собою нечто несовершенное. Не двигаться, не чувствовать, не говорить, вернуться в утробу матери, уснуть... Пусть вернется назад круг жизни. Пусть не дифференцируются системы и органы, пусть каждая клетка живет полною жизнью. Нам жаль пройденного пути, мы тоскуем по первой форме. Память, создавшая нас, угрызает самое себя. Кабы можно было растянуть этот сладкий миг уже виденного. „Кабы можно, братцы, начать жизнь с начала“, восклицает Алексей Толстой.

„Хочется всегда находиться в таком состоянии“, «все вспоминала бы так» — передают свои ощущения современные школьники 2-й ступени. „Когда я вижу это прошлое во второй раз, тогда я делаюсь такой, как будто я ничего не замечаю“ — пишет пятнадцатилетняя ученица железно-оружейной школы.

„Конечно, не объекты прельщают наше „Я“. Они все такие же: лес, поле, улица города, театр, птицы в саду, ветер у окна, облака. Только само „Я“, которое „ничего не замечает“ в отдельности, ничего кроме... самого себя. Нет привязанности к объектам (90), рефлекторная дуга возвращается снова на „Я“, на миг не получая удовлетворения от объектов. Окружающее восстанавливается в собственном „Я“. Вспомним сравнения переживания с зеркальным отражением самого переживающего, вспомним двойничество, вспомним раздвоение работы полшарий. Нам безразлично содержание наших грез „на яву“, нам лишь желательно это состояние как таковое (91). Как под магнитом железо, резко поляризуются чувства (амбивалентность при нарцисстических неврозах сравн.). Одна и та же основа переживания характеризуется противоположными чертами. „Приятно и неприятно“,

„радостно и грустно“, „недоуменно и восторженно“, „родное и чужое“, „будто я ребенком это вижу“, „только прежде я был здесь старше будто-бы летами“, „вижу прошлое и будущее разом“,—так оттеняют «странность» воспоминания настоящего сотни опрошенных здоровых русских юношей и девушек.

И то, и другое, и плюс и минус, разом бьют по сознанию. Ритм жизни достигает большой быстроты. Переживания активируют конституцию, обнажая ее от всех покрывающих наслоений. Как дитя, оторванный от материнского организма, еще без сочетательных связей, без „Я“,—„мы“—одиноки в мире (30% опрошенных). Глухо щепчет свое—сердце, свое-дыхание; ткани тела и органы чувств не собирают свои впечатления в отдельные точки анализаторов. „Я испытывал переносящее куда-то чувство“, „сама себе чужая становлюсь“, „чужое вторгается“, „оно зависело не от меня, приходило и уходило мгновенно“, „чувство мое нельзя передать“ «ослабело тело, дыхание сделалось с задержкой». Так, по разному, передают одно переживание. „Я потом думаю о своем *ничтожестве* и сравниваю себя с каплей в море“—рассказывает один железнодорожный ученик, заканчивая описание своего „уже виденного“, тою же мыслью и тем же словом, что и Тургенев свои переживания в „Призраках“ (92). Вглядываясь, находим архаические, первозданные черты, отнесение в неизвестное прошлое, будто о времени, как о правом и левом, известно лишь направление, знак. Все здоровые опрошенные заявляют, что отнесение первой фазы „уже виденного“ к определенному времени и месту для них невозможно. Будто в этот миг возвращается к своему истоку само понятие времени. Будто прошлое осеняется будущим. Из тысячи знакомых с состоянием „уже виденного“—триста десять утверждают наличие восприятия неизбежного будущего. Некоторые психиатры из личного опыта указывают на особое чувство сновидности во время явления.

„Однажды я сидела в своем садике и вдруг мне мелькнула в глаза на дереве птичка, она пела, и мне казалось, что она давно также пела, и я была здесь же. Я видела это наяву, как во сне“.

„Я пошел в Панино в первый раз... Увидел пруд и показалось мне, что я тут когда-то был, мне стало приятно и неприятно, но вдруг это пропало. Я увидел это, как во сне“.

Это пишут маленькие психиатры—девочка в возрасте 12 лет и мальчик 13-ти лет, ученики городских школ. Сонная замкнутость, расслабленность, изоляция от внешнего мира, сладость чувства, собственный образ, вода (до 15% анкет)—воскрешают златокудрого юношу—Нарцисса—на бе-

регу зеркального ручья. Сын реки и нимфы, никого никогда не любивши, увидел себя в зеркальной воде, в лесу. Зачарованный, остался он на месте и умер, из него вырос цветок (93). В образе Нарцисса созерцающего самого себя явление получает свое символическое изображение. Древние и современные описывают одну и ту же обстановку. Лес и вода (до семисот пятидесяти из тысячи) чаще инсценируют иллюзию „уже виденного“. Нежные и расплывчатые для слез переживания сгущаются в символ, где перекрещиваются и воплощаются сокровеннейшие чаяния.

Рассуждая логически, мы не можем допустить тождества настоящего с прошлым. Непосредственное ощущение говорит о противном. Мертвенность рассудочного, „дисциплинированного“ мышления вдруг сменяется живой волной безграничного моря мышления аутистического (94). Реальное, разум, уступают место некоему удовлетворению, исполнению; происходит какое-то перемещение душевных координат. Повторяется „Я“, индивидуальное „Я“, обросшее потенциально бессмертную метампсихотическую зародышевую плазму. Вместо избирающего оно становится само избираемым. Прошлое строит „Я“. Целиком к своему прошлому поворачивается „Я“ при воспоминании настоящего. Автор читает свою биографию, художник пишет свой автопортрет, музыкант слушает свою мелодию.

В прошлом, в далеком детстве, родовое и индивидуальное перекрещивается. Дыхание, еда, выделения, служат и к самосохранению и к самоудовлетворению. С возрастом центр „эрогенных зон“ перемещается вниз. Но гомотипичные рот и нос все еще кладут печать ребенка на привычки взрослого. Раздражают рот, нос всячески, бесцельными, казалось бы, манипуляциями, но несомненно — навязчиво. Грызут ногти, нюхают руки, лижут губы, сосут пальцы, ударяют пальцем по носу, ковыряют в носу, гримасничают ртом и носом, курят, высовывают язык, грызут подсолнухи и проч. и проч. В переходном возрасте практикуют онанизм (95).

С трудом идет отрыв от „себя“ к ближнему и дальнему постороннему объекту. С детства и до старости «божественный Эрос» стремится возвратиться вспять. Но бессмертная родовая, половая воля понуждает идти вперед и вперед через метаморфозы эволюции. Хочется оглянуться назад, хоть на миг отдохнуть, обезволеть, хотя и предчувствуешь, что станешь бесплодным соляным столбом, как жена Лота.

Слияние субъект-объекта стоит в начале пути. Платон („Пир“) передает древнее предание о первочеловеке, об „андрогине“, „муже-женщине“; то же утверждают мифы иных народов; к этому утверждению склоняются многие мистики (96). Евгений Штейнах в принципе недалек от по-

добной идеи, вкладывая ее в функцию интерстициальной ткани „железы совершеннолетия“ (97). И предания и физиологический опыт здесь ведут к одному истоку, к далекому детству человека и человечества, к примитивности, к регрессии. Разряды, „припадки“ „уже виденного“ быть может выключают высшие приобретенные тормазы, распускают заведенную пружину условных рефлексов, на миг отдавая нас во власть всякого рода автоматизму, так характерному для душевного расстройства. Вспыхивают скрытые признаки. Область эмоций выступает вверх из среднего мозга, из подкорковых узлов, из нижних слоев коры, из области безусловных рефлексов. Равновесие гормональных связей испытывает толчек (98).

Быть может, половые железы в эндокринном кругу заинтересованы здесь более других. Возраст полового развития оказывается наиболее подверженным „уже виденному“. Понски объекта и колебания формирующейся личности в наибольших цифрах представлены в возрастном составе переживающих повторение прошлого. Поляризованные взрослые фиксируют либидо, у них процент воспоминаний настоящего низок. Было исследовано пять с половиной тысяч лиц в разных комбинациях. Из 110, в возрасте 40—50 лет, дали положительные описания „уже виденного“ в этом именно возрасте только пять человек. Та же группа 110 человек переживала в юности повторение прошлого в количестве 23-х лиц. Удалось установить, что у современных шестнадцати — и семнадцатилетних юношей и девушек процент „уже виденного“ один и тот же, именно четверть (25 проц.) положительных ответов из всех опрошенных. Переживания ими относятся к нынешнему и прошлому году. Вверх и вниз от указанного возраста процент падает: с пяти и шести лет „уже виденное“ испытывалось в 5 проц.; с 7-ми—10-ти лет — в 12 проц.; с 11-14 л. в 15 проц.; с 15-ти лет в 20 проц.; с 16-17 лет в 25 проц.; 18 л. 10 проц.; 19 л.—4 проц.; 20—30 л.—2 проц.; 30—40 л.—2 проц.; 40—50 л.—5 проц.; взяты круглые цифры.

Голод (8 проц.), бессонная ночь (8 проц.), утомление, особенно от ходьбы (34 проц.) облегчают отделение либидо от объектов. Особенно утомление, вызванное монотонными ритмическими впечатлениями способствует повторению прошлого. Движения при ходьбе, ровный шум воды и леса убаюкивают „Я“ как в колыбели. Подсбнсе же значение имеет особое состояние сновидности, „сонорёзности“ (99), т. е., без хасса, без смещения образов сна состояние, сопровождающее „уже виденное“.

Понятия нарцизма, автоэротизма, чувственного эгоцентризма, аутизма в их принципе как будто близко подводят нас к корням явления. Греческие „нарки“—(оцепенение) и „автос“ (сам) в словах характерно намечают контуры про-

исходящего. В безразличной обстановке, мгновенно и не-уловимо, с „наименьшей мерой сил“, разрешается организм от каких-то накопившихся раздражений. Психолог и физиолог разными путями приходят к одному обобщению. Нарцисстические неврозы, неврозы перенесения—первого и нарушения деятельности желез с внутренней секрецией второго, пытаются подвести широкий фундамент под сходные психопатологические явления. И мы видим, что наиболее резкие длительные патологические явления „уже виденного“ в течение дней, месяцев и лет встречаются у душевно-больных известной категории. Пусть воспоминание настоящего относится к „мультипликации“ всего комплекса воспоминаний или же к его расщеплению (110), это не меняет сути дела. Нервное истощение, неврастения, истерия, навязчивые идеи и состояния, по описаниям (101), сопровождаются повторением прошлого. Встречается „уже виденное“ у сомнамбулов, страдающих различными эпилепсиями, у шизофреников и парафреников (102). Именно эти расстройства дают повод искать ближайшую причину их возникновения в нарушении гормональной цепи, в частности полового ее звена. Неразрывная последовательность действия желез с внешней секрецией находит свое подобие в секреции внутренней. Если функция надпочечников особенно страдает у эпилептиков, то из этого неизбежно следует нарушение общего эндокринного строя. Если аффект производит возмущения в течении гормонов (103), то он же передает раздражения на вагосимпатическую систему, производя эмоциональную реакцию. Миг повторения прошлого подчеркивает участие симпатической системы. Разлад интеллекта и чувства, „интрапсихическая атаксия“ шизофреников, странное затормаживание у них хода внешних раздражений где-то в кругу трех (центральной, симпатической, эндокринной) систем, «соскальзывание мыслей» заставляет касаться тех же понятий, что и при попытках выяснения „уже виденного“ (104). Психические эквиваленты эпилепсии намечают свою связь с половой деятельностью во многих отношениях (98). Аффект—эпилепсия в изображении Достоевского связывает припадки истерической эпилепсии с переживанием какого-то глубочайшего потрясения «разом всех жизненных сил» (105). Переживания смерти и возрождения в сумерках эпилепсии особенно указывают на какой-то биологический сдвиг, являют архаический материал. Содержание „делириозного“ состояния трудно вспоминается, оно чуждо обычной личности. Наступают расстройства восприятия и сочетательных связей, памяти, весьма схожие с таковыми при истерии и гипнозе. В сумерках этих состояний возможно усмотреть возврат к нарцизму (106). Бред величия парафреников ведет к такому же толкованию—возвращению либидона. Быть может, с этой стороны шизофреника обусловлена накоплением нарцисстического либидо.

Состояние „повторения прошлого“ являет собой признаки, присущие этой „большой“ группе с общими чертами“, где „симптозы“, „неврозы“ и „эндокринозы“ путаются, перевешивая то один, то другой, в борьбе с золотой серединой. Старые формы психиатрических воззрений как будто сходят со сцены, но эта кажущаяся перемена не есть ли лишь новая терминология, переменный блеск старого светила. Не суждено ли нам вообще „видеть как бы сквозь тусклое стекло, как бы в гадании“, по слову внецехового психолога прежних дней.

Мы встречаемся с повторением прошлого в разнообразной обстановке: среди зарева пожара, среди грозы, на высокой колокольне под оглушающий трезвон пасхальных колоколов, посреди шумной улицы чужого города и среди тишины деревенского утра и вечерней зари, в заброшенном саду, на реке, в кино... Летом (37 проц.), осенью (16 проц.), зимой (29 проц.), весной (18 проц.), у некоторых во все времена года; в комнате (25 проц.), и на воздухе (75 проц.); в лесу (50 проц.), на реке (15 проц.), лунною ночью. Благоприятной почвой для повторения прошлого нужно признать мечтательность (70 проц.), склонность к уединению (15 проц.), поэтичность, оригинальничанье. Из наследственных черт указывается на душевные болезни ближайших родственников (1,2 проц.), на переживание воспоминаний настоящего родителями (4,2 проц.). Все опрошенные здоровы. О „повторении прошлого“ раньше ни от кого не слышали 2.050 человек, слышали смутно 445, читали, но не помнят где—1103 чел., остальные не обращали внимания и не помнят слышали или нет. При опросах были приняты все меры против внушения и предвзятых ответов, настоятельно выяснялась необходимость критически относиться к наличию и отсутствию явления. Впрочем, нужно много внимательности и со стороны вопрошающего, дабы вс-время прекратить наводящие расспросы. Все же явление несомненно имелось налицо.

Продолжительность воспоминания настоящего оценивалась здоровыми людьми мгновением (54 проц.), секундой (25 проц.), минутой (2 проц.), другие указания не определены, более долгих сроков не указывалось. Есть указания на рассеянность, но большинство чувствовали себя до явления обычно.

У интеллигентных и неграмотных учеников глухой деревенской школы и студентов, учителей школы 2-й ступени и простых крестьянских женщин, при известном терпении, можно разыскать „уже виденное“.

— „Выходил я косить по-утру и осмотрелся, мне по казалось, что все это было давно, но не помню в какое время...“

— „Поехал в ночью пасти лошадей и утром, когда выпала роса, показалось мне, что я на том же месте был и утром с конями на таком же точном кургане...“

— „Меня везли в госпиталь, я узнал незнакомые улицы и лестницу госпиталя, все сразу показалось мне знакомым, до сего времени я в Москве не был...“

Малограмотный красноармеец пишет: «На одном вечере мне казалось, что я там был уже и проводил время с той же барышней. Это было, когда сказали на сцене о чьей то смерти...».

Совершенно неграмотный 40-летний крестьянин рассказывает:— „Приезжая в гор. Гжатск, мне пришлось даже долго задуматься, что мне показалось, будто я когда-то здесь был дитей...“

Деревенский ученик пишет: „Шли мы с отцом из города на родину, в Юхновский уезд, и мы проходили около леса и мне показалось, что все это уже было и лес, и за лесом такое-же поле...“.

Вот описание одного развитого юноши:— „Я сидел в комнате около окна и вдруг мой взгляд нечаянно упал на стоявший около стены самовар. Вмиг комната как бы осветилась другим светом, и в моем воображении всплыл день какой-то очень радостный и близко-близко знакомый, как будто я на миг опять сижу в той же обстановке, что когда-то, прежде, где-то была“.

В существе, описания говорят об одном. У детей и у людей неграмотных сущность явления выясняется на конкретных примерах, необходимо дать им сначала освоиться. У детей деревенских школ, возраста: 11-12-13 лет, получается около 20 проц. положительных ответов. У неграмотных 40—50 летних до 4 проц.

Всеми воспоминания настоящего резко отграничиваются от обычных воспоминаний, резко подчеркивается тожество обстановки до мелочей.

У испытавших «иллюзию» получить ее описание легко; неиспытанным—понимание дела дается трудно. Мужчины вообще яснее формулируют и сильнее переживают «иллюзию». Какое-либо изменение в длящейся картине стимулирует явление—дуб среди обычного северного леса, облако в солнечный день... „Обернулся“, „оглянулся“, „очнулся“—так начинаются описания. Как говорит герой Вересаева— „Нужно совсем неожиданно оглянуться, чтобы уловить из нее (природы) хоть что-нибудь. На меня, например, добрая половина картин Беклина производит такое впечатление, как будто он именно неожиданно оглянулся“. («На повороте»).

Предчувствия будущего и желание объяснить настоящую обстановку, как бывшую во сне, наблюдались обычно у одних и тех же лиц. Зрелый возраст не так охотно говорит на затронутую тему.

В музыке и живописи опрошенные интеллигенты, среди которых были люди со способностями, не могли отметить передачу переживания.

Локализовать во время кажущееся воспоминание никто не мог. Зрение по преимуществу воссоздает кажущееся прошлое в настоящем (107)—до 60 проц., слух—до 20 проц., осязан.—2 проц., общее чувство—10 проц. Повторение вкусовых ощущений никем из здоровых не отмечено. Почти все опрошенные страдали детскими инфекциями, предпочтения какой-либо конституции „уже виденное“ не отдает. Вообще соматика не кладет заметного следа на расположение к переживанию и его частоту. Было из всех трое „совершенно ничем“ не болевших. Очевидно, явление обычно у обычных людей, правда, не поголовно ему подверженных.

И все же это деликатное явление ждет своего точного выразительного названия и объяснения, от которого мы дальше, чем хотелось бы думать. Изучившие ложное узнавание и притом сами ему подверженные, считают явление свойственным почти всем здоровым. Другие оценивают количество лиц подверженных „уже виденному“ половиной всех здоровых людей, достигших известного возраста. Некоторые французские авторы считают восприятие, удвоенное воспоминанием, за нечто патологическое, совершенно несвойственное здоровой психике, а лишь проявление некоторого ущерба, малочисленности. Поэтому у лиц, страдающих ложным указанием, нужно искать за этим изолированным симптомом других дефектов. Эти авторы, повидимому, сами не подвержены „уже виденному“. Наконец, противоречивые описания переживаний заставляют некоторых вовсе усомниться в наличии воспоминаний настоящего.

Попытки найти ближайшую причину явления различны. Они не исключают друг друга. Из множества их нельзя заключить об их бесполезности, подобно терапевтическим многочисленным снадобьям, лишенным специфического действия. Напротив, можно, кажется, большинство из этих теорий объяснения принять в их принципе. Во многогранном органическом явлении та или другая его сторона захватывается перекрещенными пределами различных теоретических областей. Следует, по возможности, искать общие черты, вывести признаки, покрывающие все проявления «уже виденного», хотя бы ощупью, как при зарождении физической медицины, в эвристических целях, нужно определить направ-

ление, которого следует держаться в предстоящей экспериментальной разработке вопроса

Если отживающий «анкетный» метод не удовлетворяет более, то объективный подход еще не проложил путей к глубинам субъективности. Результаты тщательных опросов о субъективном переживании можно суммировать по пунктам предвзятой «анкеты» и по типам индивидуальным. С обеих сторон можно добиться известных обобщений. Конечно, здоровому весьма трудно воссоздать душевные переживания какого-либо душевно-больного, об этом единогласно свидетельствуют выздоровевшие, взяты хотя бы нашего Кандинского. Ближайший интимный подход к отдельному лицу, индивидуальный метод, как он проводится Фрейдом, Жанэ, Дюбуа, может оказаться плодотворным в изучении «уже виденного». Психические расстройства являют собой теснейшую связь между разнообразнейшими элементами психофизического целого, недаром гуморальные связи снова выдвигаются вперед.

Название «повторение прошлого» есть внешний облик явления, его структура остается пока без характерного наименования, равно, как для «Я», для «личности» не даны еще выразительные структурные обозначения.

Разрешение загадки построения «уже виденного» расчищает дорогу к уразумению психологии «Я», к представлению последовательных ступеней его развития. С этой точки зрения представляется возможным рассматривать разноречивые выводы из наблюдений «уже виденного».

По крайней мере ассоциативный эксперимент по Юнгу и проч., поиски «комплексов» на отдельные составные части картин «повторение прошлого», при известном психологическом профиле, заставляет подозревать глубокие корни, из которых вырастает явление.

Это выводит «уже виденное» из рамок только литературного, беллетристического интереса.

Выводы: 1) Изображения «уже виденного» широко разлиты во многих произведениях русской художественной литературы.

2) Писатели русские в изображениях «воспоминаний настоящего» опередили русских специалистов-психологов.

3) «Припадок» повторения прошлого есть явление своеобразное, неукладывающееся в рамки простого «обмана памяти».

4) «Уже виденное» различается на тяжелую (патологическую) и легкую (нормальную) формы.

5) Патологическая форма наичаще наблюдается в нарцисстических неврозах—они же «эндокринозы», расстройство внутрисекреторных желез.

6) При легкой форме „воспоминании настоящего“ ослабленное внимание к жизни и *расщепление* настоящего на восприятие и воспоминание суть постановка „Я“ на место внешнего объекта.

7) Изменение меры времени обусловлено „припадком“ уже виденного.

8) „Уже виденное“ затрагивает глубокие слои „Я“ и с этой точки зрения заслуживает изучения.

9) Патология „опрошенного настоящего“ и наличие его наибольших вспышек в переходном возрасте (16 лет) заставляют подозревать какие-то связи явления с деятельностью половых желез.

10) От объективного метода в связи с интимным индивидуальным подходом нужно ожидать новых достижений в исследовании описываемого явления.

Литература.

1. Oeuvres de Musset. Paris 1867, p. 87—перевод свой.
2. Korrespondance de George Sand et d'Alfred de Musset 1877.
3. Loco cit. 1 p. 96—98—„La nuit de décembre“. Перевод свой
4. Dickens—„David Kopperfild“, chap. XXXIX, собственный перевод.
5. Чиж—„Достоевский как психопатолог“, 1884, „Русский Вестник“.
6. Аменицкий—„Достоевский как психопатолог“—доклад на I-м Всероссийском с'езде по психоневрологии в январе 1923 г.
7. Sully James—„Illusions“ The international scientific series. London, 1882, p. 273, 274.
8. P. Loti—„Le roman d'un enfant“, p 18. Перевод свой 1890. Изд. Calman—Levy.
9. Сравн', напр. Спенсер, Фрейд, Жане, Джемс, Гроссэ и мн. др.
10. P. Verlain—„Kaleidoscope“—собств. пер. стихотворения
11. Токарский—„О страхе смерти“—Вопр. Фил. и Психологии, 1897 г., кн. 40-я.
12. Gedichte von I. Ch. Fr. von Ledlitz. Universal—Bib № 3141.
13. Collins Wilkie—„Armada“; „The Moonstone“ Shelley Persy—A selection from his poems; Tauchnitz ed. Worolsworth William—Poetical Works,—Tauchnitz edif. Paul Bourget—Цит. биографии в Rèv. philosoph., 1898 г. Spielhagen—„Hamer und Amboss“.
14. London Jack—„The Jacket (the star rover)“ весь роман, особенн. стр. 46-я по изд. Mills & Boon.
15. Bernard-Leroy—„L'illusion de fausse reconnaissance“. Paris, aecan 1898. Heymans.—Eine Enquete über Depersonalisation und fausse Rekonnaissance (Zeitschr. f. Psychologie 1904, Band 36, S. 321).
15. Heymans.—Weitere Daten über Depersonalisation und fausse Rekonnaissance (Zeitschr. f. Psycholog 1906, B. 43, S. 1).

16. Чиж—„Достоевский как психопатолог“. 1884. „Русский Вестник“.
- „Тургенев как психопатолог“. 1899. „Вопр. Фил. и Психол.“.
- „Пушкин как идеал душевного здоровья“. 1899.
- Сикорский—„Archiv für Psychiatrie“, Band 38, Seite 259.
- „Сборник научно-литературных трудов“, книга первая: статьи 3-я, 4-я и 5-я. Киев, 1900.
- ✓ Баженов—Больные писатели и патологическое творчество. 1903.
- „Символисты и декаденты.
- „Душевная драма Гаршина—„Русск. М.“, 02 г.
- „Болезнь и смерть Гоголя.
- „Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М., 03.
- Важенhoff—Guy de Maupassant et Dostoevsky. Arch. de Lacassagne.
17. Рыбаков—„Современные писатели и больные нервы“.
- Флеров—„Русский психиатр о Тургеневе“—„Вопросы Фил. и Псих.“ за 1900 г.
- Леницкий—„Изыщная литература и философия“. Харьк. 1893.
- Шайкевич—Психология и литература.
- Крот—Наблюдения русских писателей над человеческой душой. 1901. Москва.
- Россолимо—Искусство, больные нервы и воспитание.—„Русск. М.“. 02.
- Сегалов—Болезнь Достоевского. 1907.
- Березин—Творческий путь Максима Горького.—„Вестн. псих., кримин., антр. и пед.“, т. XII. выпуск 2—3-й.
- Шалабутов—Психопатология в литературе и литература в психопатологии.—„Психол., Нерв., Эксп. Психол.“ за 1923 г., № 3-й.
- Юрман—„Садизм в произведениях Достоевского“. Доклад в об-ве Псих. и Невропат. Петроград.
17. Ермаков И. Д.—О белой горячке. „Психо-Неврол. Вестник“. 1917. № 1-й.
17. Иванов-Смоленский—„Болезнь Достоевского“. Доклад в Петр. Об-стве Невропат. и Психиатрии.
18. Павлов, акад.—Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности животных. 1923.
19. Бехтерев, акад.—Общие основы рефлексологии человека. 1923.

20. Лазарев, акад.—Физико-химические основы высшей нервной деятельности. „Научн. Обзор“ № 1. 1922. М.
21. Freud S.—Über Psychoanalyse. 6-te Aufl.
22. Тургенев И. С.—Рассказы.
23. Ермаков И. Дм.—Истерическая эпилепсия.
24. Архив Психиатрии, Нейрологии и Судебной Психопатологии, том VII, ст. Гутникова.
25. Ribot—Les Maladies de la me'moire. 1881.
Sollier—Les Troubles de la memoire. 1889.
Корсаков С. С.—Болезн. расстройства памяти. 1889.
Korsakoff—Une maladie de la memoire—Rev phil. 1889.
Forel—Das Gedachtniss und seine Abnormitäten. 1885.
26. Платон—Лизис.
Эсхил—Скованный Прометей.
27. Семон—Мнема как сохраняющее начало в смене органических явлений. 1904.
Bleuler—Lehrbüch der Psychiatrie. 1920.
28. Горяев—Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис. 1896.
29. Morel—Traité du maladies mentales. Paris. 1860.
Лукьянов—Голодание как вид питания. „Врачебн. Газ.“ № 13—14, 1923.
30. Anjel—Beitrag zum Karitel über Erinnerungstäuschungen. Arch. f. Psychiatrie. Bnd. VII, 1878, S. 57.
Pieron—Sur l'interpretation des faits de paramnésia. Rev. philosoph. t. 54, 1902, p. 160.
31. Günter—Über Nachempfindungen. Deutsche Zeitschr. f. Nervenhlk. 76 Bnd, 56-te heft. 1923.
32. Работы Суханова, Бехтерева, Павлова, в частности: E. Tanzi ed E. Lugare—Trattato delle Malattie mentali. 1914.
33. Различный подход к этому утверждению см. у А. И. Введенского, Лосского, Карпова, Лопатина, Трубецкого С. Н., Бердяева, Юркевича и др.
34. Sander—Über Erinnerungstäuschungen. Arch. f. Psychiatrie Band IV, 1874, S. 244.
35. Lewis—Problems of Zife and Mind. III ser., p. 129.
Sir Henry Holland—Mental Physiology, see. ed. p. 172.
36. Sully Jamas—illusions. 1882. London.
37. P. Janet—L'amnesie et la dissociation de souvenirs par l'emotion. Journal de Psychologie. 1904.
38. Zelande—Des paamnesies. Rev. philos., t. 36, 1893.

-
-
- Arnaud—Un cas d'illusion du „dèjà vu“ ou de fausse memoire“. Ann. med.—psychol. 1894, t. 37.
- Dugas—Sur la fausse mèmòire. Rev. philos. 1894, t. 37.
39. Kraepelin—Über Erinnerungsfälschungen. Arch. f. Psychiatrie, Bnd. 18, 1887, S. 409.
40. Сандер, Анвель, Крепелин, Иенсен, Бонателли, Г. Эллис, Корсаков, Монассена, Виган и др.
41. Hughlings Jackson—статья в American Journal of Psychologie, Jan. 1896.
42. Pierre Janet—A propos du „dèjà vu—Journal de Psychologie, 1905, № 4.
43. Dromard et Albès—Essai theor. sur. l'illusion dite de fausse reconnaissance. Journ. de Psych. 1905, p. 216.
44. Havelock Ellis—A note on hypnagogic paramnesia. Mind 1897, vol. VI, p. 283.
- Lemaître—Des phenomenes de paramnesie Arch. d. Psych. r. III, 1904, p. 101.
- Grasset—La sensation du „dejà vu“ Journ. d. Psych. 1904, Janv.
- D-r Chabaneix—La subconscient chez les artistes, les savants et les ecrivains—Thes. Bordeaux 1897.
- Геддинг—Очерки психологии, основанной на опыте 1914, м. стр. 129-я. Примеч.
- Mere Charles—La sensation du „dejà vu“. Merc. de France. 1903, Juillet.
45. Belugou—Un cas de paramnesie. Rev. philosop. 1907, t. 44. p. 282.
46. Jean de Pury—Observations de paramnesie. Arch. de Psychol. t. II.
47. Wigan—A new view of insanity: the duality of the mind. 1884. London.
48. Tito Vignoli—Sulla Paramnesia o falsa memoria Rendiconti de R. istituto Lombardo. 1894.
49. Abercrombie—Essay on iotellectual powers.
- Carpenter—Mental Physiology.
50. Lalande—Des paramnesies. Rev. philos. 1893, здесь же приведены данные Burnhom'a.
51. Lapie—Note sur la paramnesie. Rev. philos. 1894, кн. 37-я стр. 351.
52. Bozzano—см. Пьерон (30).
53. Paul Radestock—Schlaf und Traum.
54. Jensen—Über Doppelwahrnehmungen in der gesunden wie in der kranken Psyche. Suppl.—Heft Allg. Zeitschr. für Psychiatrie. Bnd XXV, 1868, S. 48.

-
-
55. Bleuler loc. cit.
Корсаков С. С.—Психиатрия, ч. I-я.
 56. Leon Kindberg—Le sentiment du déjà vu et l'illusion de fausse reconnaissance. Rev de Psych., 1903.
 57. Bernard—Leroy—loc. cit.
 58. Bergson H.—Le souvenir du present et la fausse reconnaissance. Rev. philosoph., decembre 1908, есть русский перевод Флеровой.
 59. Dugas—Un cas de depersonalisation. Rev. philos. 45 t., p. 500.
 60. Сеченов—Элементы мысли—„Вестн. Евр.“ 1878.
 61. Платон—Лизис,
 62. Крафт-Эбинг—Психиатрия.
 63. Ebbinghaus—Das Gedächtniss. 1885.
Sollier—Le probleme de la memoire. 1899.
 64. Bucciola—Rivista di filosofia scientifica II, Fasc. 6.
 65. „Spiegelŕing“—выражение Neumann'a; см. также (39).
 66. Le Lorrain—A propos de la paramnesie. Rev. phil 1894, t. 37.
Bourdon—Sur la reconnaissance de phenomenes nouveaux. Rev. philosoph. 1893, t. 36, p. 629.
 67. Grasset—La sensation du „dѣжэ vu“ Journ. de Psychol. 1984, Jan., p. 20.
 68. J. Coriat—Reduplicative paramnesia. Journal of nervous and mental diseases 1904, v. 31, p. 577.
 69. Бехтерев—Über Störung des Zeitgeföhls bei Geisteskranken Zentrbl. f. Nervenheilkunde und Psych. 1903, Okt.
 70. Др. Котик—Непосредственная передача мыслей М. 1914.
Краинский—Энергетическая психология.
Janet Pierris—Las obsessions et la psychastenie. Paris, 1903.
 71. Доклад д-ра Бруханского на I-м Всеросс. с'езде по психоневрологии.
 72. Le Lorrain—De la duree du temps dans le rѣve. Rev. philos., 1894, № 9,
Foucault—L'evolution du rѣve pendant le reveil. Rev. philos. 1904, novembre.
Freud S. Die Traumdeutung. 6-te Aufl (здесь привед. литература).
 73. Марнн—статья „Вопросы Философ. и Психол.“. 1893, кн. 18-я и 1895 г., кн. 24-я.
H. Pieron—Contribution à la psychologia des mourants. Rev. philos. 1902, № 12.

-
-
74. Н. Minkovsky—Raum und Zeit—речь на 80-м съезде естествоиспытателей в Кельне 21 сент. 1908 г.
 75. Чиж—почему воззрения пространства и времени постоянны и неизменны. 1896.
Челпанов—статья в „Вопросы Филос. и Психологии“, кн. 19-я.
Гюйо—Происхождение идеи времени. 1900. Вообще же литерат. о „времени“ бесчисленна.
 76. Kant—Kritik der reinen Vernunft, изд. Reclam, jun. стр. 58.
 77. Wundt—Grundzuge der physiologischen Psychologie, II с.
 78. Helmholtz—Die Tatsachen in der Wahrnehmung, 1879.
 78. Бехтерев—Значение органов равновесия в образовании представлений о пространстве. 1896.
 79. Kant—Ioco cit, стр. 48-я.
 80. Пуанкаре—Наука и гипотеза.
Мах Э.—Механика.
П. Лонжевее—Эволюция пространства и времени. Фантастич. повесть о 4-х мерном мире, см.: Wells—Plattner story, изд. Tauchnitz 1900. Leipzig.
 81. Fouillee—La memoire et la reconnaissance des souvenirs. Revue des Deux Mondes 1885, t. 52, p. 154.
 82. См. Wigan loc. cit (47).
 83. Tischner—Über Telepathie und Hellsehen. 1921.
 84. Н. de Vries—Die Mutationstheorie. Leipzig. 1901—03.
Sommer—Familienforschung und Vererbungslehre—1907.
Bumke O.—Kultur und Entartung. II-te Aufl., 1922.
Goldschmidt—Die quantitative Grundlage von Vererbung und Artbildung, 1920.
 85. Тяпугин—К симптопатологии артериосклеротических психозов: расстройства памяти (Корсак. Журн. 1914).
 86. „Affectus est motus animi“—(Цицерон).
 87. Дарвин Ч.—О выражении ощущений. С.-Пб. 1872.
Kirchhoff—Der Gesichtsausdruck beim Gesunden und Kranken. 1922.
E. Kretschmer—Körperbau und Charakter. 1921: Есть русский перевод.
Th. Piderit—Mimik und Physiognomik. 1886.
Krukenberg—Der Gesichtsausdruck des Menschen 3-te und 4-te Aufl. 1923. Приведена литература.
 88. Сикорский—Всеобщая психология с физиогномикой в илл. изд. Изд. 1904 г. Киев, стр, 231.
 89. А. Бергсон—Интеллектуальное усилие. СПб. 1912.

90. Abraham Karl—Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox—08.
91. Heilbronner—Konstitutionelles Wachträumen. Monatschr. f. Psych. und Neurol. Band 34. St, 510. 1913.
92. Полное собрание сочин. И. С. Тургенева, изд. Маркс, т. VII, стр. 105.
93. Сравн. Ovid'—Metamorphos., III.
94. Bleйler—Das Autistische Denken. Jahrb. f. Psychoanalit. Forsch.—Bnd. 4, S. 1.
95. Членов—Половая перепись Московского студенчества м. 09. % онанистов здесь=73, начиная с раннего возраста.
96. Буквальный перевод Л. И. Мандельштама, 3-е издан. Берлин.
Kielholz A.—Jacob Boeme. Ein pathographischer Beitrag zur Psychologie der Mystik.
97. Biedl—Innere Secretion. 3-te Aufl. 1916.
98. Journal med. de Lyon 1923, № 84.
99. Лапшин—Философия изобретения и изобретение в философии.
100. Claudel P.—Casuistik bidray tiel, den reduplicativa paramnesiens event. tiel „dejá va“ fenomenois klinik Hygiea (80) 4, 161.
101. Указания Жанэ, Блейлера, Крепелина, Корсакова. Кр.-Эбинга, Арно, Рейхардта, Баллэ.
102. Указ. (101) и Леметра, Джаксона, Ковалевского, Рыбакова и др
103. Серейский—Аффект в его биохимическом проявлении. „Журнал Психол., Неврол. и Психиатрии т. III, 1923 г.
104. Осипов В. П.—О патогенезе ^{ши}схизофренического состояния. „Врачебн. Газета“ № 24. 1923 г.
105. Ермаков Ив. Дм.—Истерическая эпилепсия
106. Paul Schilder—Zur Psychologie epileptischer Ausnahmezustände. Zeitschr. f. die gesam, N. und Ps. Bud 81. 1923.
107. Ceni C.—Der Einfluss der Sehekraft auf die Geschlechtscharaktere. Zeitschr f. Nervenheilkud, 77 Bud.

Материалы к патографии Пушкина.

Д-ра Я. В. МИНЦА.

„Это состояние души можно назвать юродством поэта. Оно замечается в Пушкине до самой женитьбы, а может быть еще позднее“.

П. И. Вартенев — „Пушкин в Южной России“.

В то время, как на Западе патографическая литература все более разрастается и большинство величайших мастеров слова (по крайней мере Германии) освещены так или иначе патографически, у нас в России, в этом отношении, сделано очень и очень мало. А один из величайших мастеров слова — А. С. Пушкин, до сих пор патографически совершенно не освещен. Давно уже пора к этому приступить.

Автору этой работы, хотя и не представляется сейчас возможным разработать полную патографию Пушкина (считая это делом будущего), но положить вехи к такой работе в виде указаний на некоторые патографические материалы для выяснения психической конституции Пушкина — представляется возможным, хотя бы на основании тех скудных данных, которые имеются у нас, не претендуя на большее.

Словом, мы здесь хотим только наметить ту канву, на которой может быть построена патография Пушкина.

Прежде всего отметим те наследственные данные, из которых сложилась личность поэта.

Как известно, родоначальником Пушкиных был прусский выходец Радши, выехавший в Россию при Александре Невском. Самое имя Пушкиных пошло от потомка Радши, в шестом поколении, Григория Пушки.

Изучая родословную Пушкина мы можем отметить, с одной стороны, целый ряд душевно-больных и резко патологических типов, с другой — лиц творческих одаренных — поэтов и писателей.

Прадед поэта по отцу, Александр Петрович Пушкин, умер весьма молодым, в припадке сумашествия зарезав свою жену, находившуюся в родах; сын его, Лев Александрович, представлял собой ярко патологическую личность: пылкий и жестокий, он из ревности замучил свою жену, заключив ее в домашнюю тюрьму, где она умерла на соломе.

От отца своего поэт унаследовал, с одной стороны, одаренность, поэтический талант, с другой—много психопатических черт. Сергей Львович был известен во всей аристократической Москве своими каламбурами, остротами и стихами; стихотворство было его страстью. Отец поэта был раздражителен и очень тяжел в домашней жизни; нрава был непостоянного, мелочного, попеременно—то мотал деньгами, то бывал неимоверно скуп. Барон Корф считает Сергея Львовича человеком пустым, бестолковым и безмолвным рабом своей жены. Увлечшись религией в пожилом возрасте, он вступил в массонскую ложу. Кроме отца мы встречаем в семье Пушкина еще несколько лиц поэтически одаренных: Василий Львович (дядя поэта) пользовался славой хорошего стихотворца; также был известен своими стихами младший брат поэта—Лев Сергеевич Пушкин. Лев Сергеевич отличался своими „странностями“ и чудачествами.

Мать поэта происходила из рода Ганнибалов, родоначальником которого был известный Абрам Петрович Ганнибал, африканский негр, подаренный Петру Великому турецким султаном. Как у родоначальника, так и у всех потомков Ганнибала мы можем отметить резко выраженные психопатические черты характера: Абрам Петрович был очень сварлив и неуживчив и постоянно ссорился со своими сослуживцами; будучи необузданно ревнив, он отличался в семейной жизни своеволием и скупостью. Сын его Петр был алкоголик, другой сын Осип, умерший от „невоздержанной жизни“, отличался „пылкой страстью“ и „легкомыслием“, вследствие чего брак его с дочерью Алексея Федоровича Пушкина был „несчастливым“ и окончился разводом.

Как мы видим, мать Пушкина, Надежда Осиповна Ганнибал и отец поэта были в родстве.

Надежда Осиповна была женщиной вспыльчивой, эцентричной, взбалмошной и рассеянной до крайности. Все эти черты характера поэт унаследовал от матери, как мы увидим ниже.

Таким образом из этих, правда, скудных данных мы видим, что Пушкин был отягчен как по материнской, так и по отцовской линии. Литературную же одаренность он получил по отцовской линии.

Переходя к анализу личности поэта с психопатологической стороны, мы должны заранее сказать, что не собираемся сейчас дать исчерпывающий патографический анализ личности поэта. Мы отметим лишь некоторые выпуклые и ярко бросающиеся в глаза моменты в пато-психической структуре личности Пушкина.

Самым характерным и ярким, что в его личности бросается в глаза, даже и не специалистам, так это—*резкая не-*

устойчивость его психики, имеющая ярко выраженную цикличность смены настроений, далеко выходящая за пределы нормальной ритмичности настроений обыкновенных здоровых людей. Если мы обратимся к материалам, иллюстрирующим доподлинную, (а не искусственно панегирическую) биографию Пушкина, то все течение его психической жизни, в ее сменах настроений, пришлось бы графически изобразить в виде волнистой кривой с крутыми колебаниями и подъемами то вниз, то вверх. Эти колебания будут соответствовать колебаниям его бурной психики, то в форме резкого возбуждения, то в форме депрессии. Эта волнообразность, правда, будет протекать с известной периодичностью, но не будет иметь той строгой ритмичности подъемов и спусков свойственных тем чистым формам маниакально-депрессивных состояний, где регулярно и ритмично депрессия сменяет возбуждение. У Пушкина скорее та часть кривой, которая бы характеризовала подъемы возбуждения, будет преобладать и доминировать над той частью кривой, которая должна характеризовать депрессии. Это—первая особенность, которую бы можно было отметить. Вторая особенность, которую мы бы могли констатировать—это то, что в последний период его жизни депрессивные приступы стали учащаться и даже, пожалуй, удлиняться. Эта психическая неустойчивость и цикличность психики резко бросалась в глаза даже всем тем из его современников, которые далеки были до каких-либо психиатрических оценок его настроений. „Случалось удивляться переходам в нем“—пишет И. И. Пущин, товарищ Пушкина, в своих заметках о Пушкине.

Правда, современники его и даже его близкие люди, не понимая конституцию психики поэта, часто ложно истолковывали эти резкие смены настроения, приписывая их той или иной мнимой причине, якобы зависящей от его воли и желаний. Так брат его, Лев Сергеевич, говорит: *) „Должен заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его, но он становился блестяще красноречивым, когда дело шло о чем нибудь близком его душе. Тогда он являлся поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях“.

Точно также А. М. Керн **) о Пушкине говорит так: „Трудно было с ним сблизиться. Он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен“, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Вообще

*) Майков. „Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки“.

**) Майков. „Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки“.

же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-либо приятно вдохновляло его. Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи*.

Конечно, дело тут не в том, что Пушкин «вяло и неосносно» держал себя и был «томительно скучен», потому что «предмет разговора не занимал его», так же и не потому он «становился блестяще красноречивым», что дело шло о чем-нибудь близком его душе и не потому, что он «решался быть любезным», а дело тут в том—в какой фазе маниакально-депрессивного состояния находился Пушкин в данный момент—в депрессивной или в маниакальной.—И верно подметила А. М. Керн в Пушкине: что «он не умел скрывать свои чувств, выражал их всегда искренно», так как он *не мог их скрывать* в силу конституциональных особенностей маниакально-депрессивного состояния, а не потому, *что хотел* или «решался быть любезным», или «томительно скучным».

Теперь перейдем к иллюстрации тех моментов из биографии Пушкина, которые характеризуют вышеупомянутую кривую в ее подъемах и спусках. Причем оговариваемся, что ниже приводимые иллюстрации для этой цели являются далеко неисчерпывающим материалом для демонстрирования такой кривой. Эти материалы могут служить лишь канвой для попытки построения такой кривой, и этим могла бы быть охарактеризована маниакально-депрессивная психическая конституция Пушкина, а еще вернее было бы сказать—маниакально-депрессивный компонент психической конституции Пушкина, так как, по нашему мнению, в сложную психику Пушкина должны входить еще и другие компоненты, помимо маниакально-депрессивного. *) Уже с самого раннего детства и юношества замечается эта циклическая смена кривой, которая то вверх (возбуждение), то вниз (депрессия) сменяет одна другую. Так, в раннем детстве—до 7 лет—поэт был толстым, неповоротливым, угрюмым и сосредоточенным ребенком, предпочитавшим—уединение всем играм и шалостям. Вдруг, в возрасте 7 лет, в Пушкине произошла резкая перемена: он стал резвым и шаловливым; *родители пришли в ужас от внезапно проявившейся необузданности*. Испытав все меры к его «укрошению», они успокоились на мысли, что ненормальность природы их сына ничем исправить нельзя.

*) Здесь мы должны предупредить читателя: само собой разумеется, что говоря о «маниакально-депрессивной конституции» Пушкина, мы этим еще не хотим сказать, что Пушкин страдал определенно выраженным маниакально-депрессивным психозом, мы хотим этим только указать, что в психике Пушкина были как бы то приступы маниакально-депрессивных состояний. Были ли эти маниакально-депрессивные состояния—циклотимическими, *циклонидными* или же действительными приступы маниакально-депрессивного психоза—мы пока от такой точной диагностики воздерживаемся до более детальных исследований.

На 8-ом году Пушкин стал сочинять комедии и эпиграммы: 12-ти лет поэт поступил в Лицей. Здесь он порази́л всех товарищей ранним развитием, раздражительностью и необузданностью; опять таки здесь отмечается, что характер его был неровный: то расшалится без удержу, то вдруг задумается и долго сидит неподвижно. «Видишь его поглощенным не по летам в думы и чтение», и тут же он внезапно оставляет занятия, *входит в какой-то припадок бешенства из-за каких-то пустяков*: из-за того, что другой перебежал его или одним ударом уронил все кегли.

«Пушкин с самого начала пребывания в Лицее был *раздражительнее всех* и потому не возбуждал общей симпатии», — рассказывал Пущин в своих воспоминаниях.

Учился Пушкин очень небрежно и только благодаря хорошей памяти смог сдать хорошо большинство экзаменов; он не любил математики и немецкого языка.

Поэт окончил лицей 18 лет. По описанию его друзей он был среднего роста, широкоплечий, худощавый, имел темные курчавые волосы, светло-голубые глаза, высокий лоб, смуглое небольшое лицо и толстые губы. Во всех его движениях видна была робость; он был очень неровен в обращении: то шумливо весел, то грустен, то робок, то дерзок. С этого периода, т. е. с 1817 года по 1820 год. он живет в Петербурге, где поступает на службу. Этот период характеризуется резкими приступами возбуждения, повышенного тонуса всех жизненных отправлений, далеко выходящего за пределы нормального повышения психического тонуса, свойственного юношам такого возраста. Здесь характерны данные воспоминания современников о Пушкине этого периода. Приведем воспоминания барона Корфа, относящиеся к тому времени: «Пушкин был *вспыльчив до бешенства**), вечно рассеянный, погруженный в мечтания, с *необузданными страстями***). Характерная черта души поэта полная неуравновешенность, готовность отдаться впечатлениям, способность глубоко, но мимолетно их переживать». И действительно в Петербурге он предается вихрю развлечений и разврата; дни и ночи он проводит в оргиях и вакханалиях, предаваясь разгулу и разврату, низводивших его не раз на край могилы; о его бесконечных дуэлях, странностях и выходках говорил весь Петербург. Отдыхает он и предается серьезному литературному творчеству только тогда, когда бывает болен венерическими болезнями.

Для характеристики приведем отрывки писем современников:

Тургенев пишет Вяземскому 18IXII 1818 года: «Сверчек (название Пушкина, как члена Арзамасца) прыгает по буль-

*) Курсив наш (Я. М.).

***) Курсив наш Я. М.).

вару и по Б...,—Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы. Если еще два или три. так дело в шляпе. Первая... болезнь была и первой кормилицей его поэмы“ (Остафьевск. Архив ч. I, стр. 174).

„Старое пристало к новому и пришлось ему опять за поэму приниматься—радуется Вяземский—Венера пригвоздила его к постели“ (Там же, стр. 191).

„Пушкин простудился, дожидаясь у дверей Б..., которая не пускала его в дождь к себе для того, чтобы не заразить его своей болезнью. Какая борьба великодушия любви и разврата“. (Тургенев в письме от 1319 г. Там-же стр. 253).

В одной из черновых тетрадей Пушкин кается в своих грехах и их последствий таким образом

„Я стражду 8 дней
С лекарствами в желудке
С ртутием в крови
С раскаяньем в рассудке“.

Петербургский период (после окончания Лицея) психическое состояние Пушкина, как нельзя ярче, характеризуется как состояние резкого возбуждения. Возбуждение этого периода превосходит, по интенсивности и, пожалуй, по деятельности, все до сих пор бывшие приступы возбуждения юношеского периода. Этот период прерывается вскоре резкой депрессией.

В 1819 году наступил приступ резкой меланхолии: в письмах к друзьям он говорит о полной апатии, об омертвелости духа, о недоступности каким бы то ни было впечатлениям; он пишет об утрате поэтического вдохновения.

«И ты моя задумчивая лира
Найдешь ли вновь утраченные звуки».

Был ли этот приступ депрессии, за этот Петербургский период, единственным или были еще такие приступы—мы не знаем, но вскоре наступает снова фаза возбуждения. Возбуждение настолько резкое, что Пушкин сталкивается всюду с окружающим из его среды. В связи с его скандальным и вызывающим поведением (связанном несомненно с его патологически возбужденной психикой), Пушкин высылается административно из Петербурга (возбудивши против себя тогдашнюю бюрократию) в распоряжение генерала Инзова, в Екатеринослав.

К этому времени, приблизительно у Пушкина наступает новый более длительный период депрессии. За это время Пушкин не подавал о себе никаких вестей близким и друзьям до половины сентября месяца. Пушкин, обычно любивший делиться своими впечатлениями, вдруг, чуть-ли не $\frac{1}{2}$ года, не пишет. Что с ним случилось? Об этом мы

можем судить по письму к брату Л. С. Пушкину, написанному в сентябре 1820 года:

„Милый брат, я виноват перед твоей дружбой, постараюсь изгладить вину мою длинным письмом и подробными рассказами. Начинаю с яиц Леды. Приехав в Екатеринослав я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и *схватил горячку по обыкновению*)*. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду без лекаря, за кружкой оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги для меня вечно не забытые) предложил мне путешествие к Кавкасским водам; лекарь, который с ним ехал, обещал меня в дороге не уморить. Инзов благословил меня в счастливый путь. Я лег в коляску больной, через неделю вылечился. Два месяца жил на Кавказе; воды были мне очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие...».

В другом письме к барону Дельвигу от 1824 г. описывая это свое путешествие на юг, он, между прочим, пишет: „В Бахчисарай приехал я больной». Описывая далее развалины дворца и фонтана и проч., он тут же замечает:

«..... но не тем

В то время сердце полно было—лихорадка меня мучила...».

Итак эту «горячку» или «лихорадку», о которой говорит Пушкин, он „схватил по обыкновению“, как он выражается в письме к брату. Мы знаем, что до этого в Петербурге он никакой такой лихорадкой, как мы бы могли думать о периодических приступах малярии или какой-либо другой инфекционной болезни и которая бы его трепала „по обыкновению“ (значит периодически)—он не страдал. Мы знаем, наоборот, что до высылки из Питера он был в сильно возбужденном нервном состоянии—вел разгульный образ жизни, натворил величайшие безумства и поведение его вообще указывает, что он находился в ненормальном и сильно возбужденном состоянии, соответствующему маниакальному или гипоманиакальному. Поведение его настолько ненормально, что заставляет тогдашнюю администрацию выслать его из Петербурга.

Повидимому, это возбуждение сменяется, ко времени высылки, депрессивным приступом сменявшимся за тем возбуждениями называемыми Пушкиным „горячкой“ или „лихорадкой“. Депрессивный приступ этот, сопровождаемый глубоким упадком телесных и духовных сил, и затем возбуждением повидимому, он переживает не впервые, ибо он сам отмечает, что он наступил у него „по обыкновению“.

*) Курсив наш (Я. М.)

В эту же пору депрессии творчество Пушкина *замирает* и становится вдруг ему недоступно. Замечается резкий упадок творческих сил как никогда (такие приступы отсутствия творчества у Пушкина было неоднократно). Им овладевает то нравственное омертвление, когда психический тонус понижается на столько, что на южное великолепие картин природы он глядит со странным равнодушием, которому сам впоследствии удивляется. За четыре месяца этого периода, май—август 1820 г., написаны им только две коротенькие элегии, носящие имя „Дориды“ и не законченный отрывок „Мне бой знаком, люблю я звук мечей“, да еще эпиграммы на Аракчеева.

Также во время пребывания на Кавказе, в этот период, написан лишь эпилог к «Руслану и Людмиле» и здесь об упадке его творческих сил он делает сам горькое признание:

«На скате каменных стремнин
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа как прежде, каждый час
Полна томительною думой,
*Но огонь поэзии угас.
Ищу напрасно впечатлений.
Она прошла пора стихов,
Пора любви, веселых снов
Пора сердечных вдохновений.
Восторгов каждый день протек
И скрылась от меня на век
Бошня тихих песнопений...».*

Позже когда он стал выздоравливать:

„И ты моя задумчивая лира,
Найдешь ли вновь утраченные звуки“ («Желание» 1821).

И, наконец, в первой песне „Евгения Онегина“ возобновляется:

«Адриатические волны.
О Брента. Нет, увижу вас
*И вдохновенья снова полный
Услышу Ваш волшебный глас».*

Напрасно хотят авторы приписать этому упадку творчества, как причину, затаенную какую-то любовь.

Те же черты необузданности, приступов возбуждения мы встречаем в период изгнания, в Кишиневе и Одессе. Баргенов так описывает период жизни в Кишиневе «у Пушкина отмечаются частые вспышки неудержимого гнева, ко-

торы находили на него по поводу ничтожнейших случаев в жизни. Резко обозначалось противоречие между его повседневной жизнью и художественным служением; в нем было два Пушкина: Пушкин—человек, Пушкин—поэт“. Начальник его в Кишиневе получал безконечное число жалоб на „шалости и проказы“ Пушкина; драки, дуэли и т. п. похождения служили темой постоянных толков.

Этот период наиболее выраженный в патологическом отношении. Пребывание в Кишиневе отличается скандальной хроникой его жизни, и недаром биографы этот период обозначают, как период сатанизма.

Анненков (Вестник Европы 1873—74. „О Пушкине по новым документам“) по поводу Кишиневского периода касаясь найденной тетради с изображением чертей и „всяких гадостей“, говорит: „Надо быть в патологическом состоянии, чтобы подолгу останавливаться на производстве этого цикла“ и относит эти произведения прямо к душевной болезни Пушкина. В свое время это мнение Анненкова вызвало резкое недовольство и протест среди поклонников Пушкина. Некоторые же из Петербургских журналистов в то время также были того мнения, что многия эскизы Пушкина изображают такую „дикую изобретательность, такое горячее свирепое состояние фантазии“, что приобретают уже значение симптома душевной болезни. Другие же готовы были считать даже некоторые проявления его психики, как симптомы душевной болезни. Вообще, Кишиневский период характеризуется сильными приступами возбуждения, которые сопровождаются цинизмом, граничащим с парнографией, авантюризмом, скандалами, драками, дуэлями из за любовных приключений.

Вот несколько любовных скандалов: Пушкин был в связи с женой помещика Инглези. Муж, узнав, запер ее в чулан, а Пушкина вызвал на дуэль. За этот скандал Пушкин был посажен, его начальником Инзовым, на 10 дней на гауптвахту. Жены Кишиневских нотаблей Мариола Рали и Аника Сандулаки, повидимому, были тоже в числе возлюбленных Пушкина. Можно думать, что у него была связь с Мариолой Баят, молодой супругой члена Верховного Совета Годараки Баята, но связь эта скоро прервалась. Красивая Мариола затаила злобу на Пушкина и преследовала его разными обидными намеками, так что он в конце концов вызвал на дуэль, а потом ударил по лицу ее мужа-почтенного и уже пожилого боярина. Это дело повлекло для Пушкина новое заточение под арестом (Цит. по Губеру. Дон-Жуанский спусок, стр. 69).

Приступы возбуждения Кишиневского периода можно считать как один из наиболее сильных приступов возбуждения.

Кроме того, в этот период возбуждения (а может быть и несколько раньше) примешивается и новый психотический компонент в развитии его психики, отчего маниакально-депрессивные состояния с этого времени получают несколько иную окраску, другой колорит, а потому Кишиневский период надо еще считать и переломным в развитии его психики. Этот новый психотический компонент есть шизоидный компонент.

Тот „сатанизм“, о котором говорят различные литературные критики и литературные историки, точно также, как и „байронизм“, начавшиеся именно в эту эпоху жизни Пушкина (или несколько раньше)—есть именно результат развернувшегося в психике Пушкина шизоидного начала. Это шизоидное начало, развиваясь на фоне маниакально-депрессивных состояний, в дальнейшем изменит ту более правильную смену возбуждения и депрессии которая была характерна для первого периода жизни Пушкина—периода ссылок и репрессий. В дальнейшем характер маниакально-депрессивных состояний, благодаря шизоидному компоненту, меняется.

Приступы возбуждения развиваются не так ярко и резко, за то приступы депрессии делаются, как будто, длительнее и чаще. Тут, конечно, необходимы более детальные исследования, чтоб эти моменты более определенно осветить, что в дальнейшем и должно быть сделано. Здесь мы пока только это намечаем.

Краткий Одесский период также характеризуется аналогичными состояниями его психики, что и в предыдущих: возбужденное состояние, ажитация, повышенный сексуализм и связанное с этим агрессивное поведение, с авантюризмом и скандальными выходками. Этим вызывается и его новая высылка из Одессы.

Из Одессы поэт был выслан в село Михайловское, где он прожил несколько лет. В 1825 году отмечается снова резкое угнетенное настроение, тоска, резиньяция и разорванность со своими. „Я не могу больше работать“—пишет сам Пушкин,—„здесь на берегу реки я хотел бы построить себе хижину и сделаться отшельником“. Вообще, как уже выше было сказано, в эту эпоху жизни и в последующие годы бросаются в глаза менее приступы возбуждения, более приступы депрессии.

В 1827 году он стал избегать людей. В обществе бывал редко, а если и бывал, то или скучающим, или придирчивым, озлобленным и неприятным.

По свидетельству А. П. Керн, Пушкин в эту зиму часто бывает мрачным рассеянным и апатичным. В нем проявляется недовольство самим собой и другими.

Под влиянием какой то безотчетной тоски Пушкин то едет в Москву, то в Петербург. К концу года это состояние временно проходит, но вскоре он опять начинает „хандрить“. В это время он пишет:

„Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь зачем ты нам дана?
Цели нет передо мною
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум“.

И эта тоска все более его пожирала, несмотря на растушую славу поэта.

Наблюдатель, *) видевший Пушкина в Москве в начале 1827 г., очень тонко подметил и моменты тяжелых приступов депрессии.

„Судя повсему, что я здесь слышал и видел Пушкин здесь на розах. Его знает весь город, все им интересуются, отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому ларуэту собирались все, имевшие хоть немного здравого смысла в голове. Со всем тем Пушкин скучает. Так, он мне сам сказал... Пушкин очень переменялся наружностью страшные черные бакенбарды придали лицу его какое то чертовское выражение, впрочем он, все тот же— так же жив, скор и попрежнему в одну минуту переходит от веселого смеха к задумчивости и размышлению“.

Из последующей эпохи его жизни к его вечно возбужденному состоянию примешивается возрастающее чувство ревности, пожиравшее его и ухудшавшее его самочувствие все сильнее и сильнее, несмотря на то, что приступы возбуждения как будто и ослабли. Таково было его состояние во время жинитьбы и в последующей брачной жизни. Здесь ревность уже превращается в нечто бредовое, шизоидные элементы сказываются все более и более. Тоска, скука, замкнутость настолько начинает доминировать, что в 1835 году стали замечать сильное изменение характера Пушкина: Он стал желчным, обозленным, подозрительным, все окружающие кажутся ему врагами, в каждом слове ему чудится намек или оскорбление. В 1837 году все стали замечать, что Пушкин сделался прямо каким-то ненормальным. Повидимому, в одном из депрессивных состояний он добивался той роковой дуэли, во время которой смертельная рана подсекла его жизнь.

В связи с приступами маниакально-депрессивного состояния у Пушкина, мы должны связать другую яркую осо-

*) Цит. по статье Лернера в III томе соч. Пушкина, под редакцией Венгерова стр. 351.

бенность его психики. А именно: его резко патологическую сексуальность, выразившуюся в чрезмерной похотливости, сексуальном цинизме и извращениях половых влечений. О своей патологической сексуальности сам Пушкин в одном послании к Ф. Ф. Юрьеву так описывает себя:

„А я повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте

Бесстыдным бешенством желаний“. (Цит. по Губеру— „Дон-Жуанский список Пушкина“, Петроград, 23).

„Бешенство желания“ носило прямо резко патологический характер похотливости, о чем ярко свидетельствуют его современники. Лицейский товарищ поэта—Комовский (статьи и материалы Грота изд. 2-е „Пушкин его лицейские товарищи и наставники“) характеризует его таким образом: „Пушкин любил приносить жертвы Бахусу и вернее, волочился за хорошенькими актрисами, гр. Толстого, при чем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской природы. Пушкин был до того женолюбив, что будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна“.

Другой его лицейский товарищ, знавший его хорошо, барон М. А. Корф так говорит о нем (цит. там же): „В лице он превосходил всех чувственностью, а после в свете, предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно удивиться как здоровье и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его часто на край могилы. Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви, или истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удовлетворение чувственным страстям и поэзия; и в обоих он ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высоких нравственных чувств, и он полагал даже какое то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части. Злые насмешки часто в самых отвратительных картинах над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями общественными и семейными—это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил более и хуже нежели в самом деле думал и чувствовал. Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными

домами и прелестницами Петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата“.

И действительно цинизм, утонченный разврат, стратегия сластолюбца—соблазнителья—заполняла другую часть содержания жизни Пушкина и, что замечательно, когда он заболел венерической болезнью, друзья его радовались: наконец-то он прикованный напишет в уединении большое произведение.

При встречах с женщинами Пушкин мгновенно загорался, стремительно и бурно налетала на него любовь и также скоро угасала в нем. „Натали (говорит он про свою жену)—моя сто тринадцатая любовь“—признавался он княгине Вяземской.

Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал (говорит он в другом месте). Все они изрядно надо мной посмеялись, все, за одним единственным исключением, кокетничали со мной“.

Из этого надо делать вывод, что и к серьезной и глубокой любви Пушкин не был способен, и что здесь, как и вся его натура, была поверхностна в отношении любви. Ему нужно было легкое отношение к женщинам. Если же женщина была ему недоступна, в смысле физического обладания, то он буквально готов был сойти с ума и нарастающее чувство обычно протекало как тяжелая болезнь, сопровождаемая бурными пароксизмами.

Еще более замечательно, что даже известная содержательница публичного дома в Петербурге Софья Астафьевна жаловалась полиции на „безнравственность“ Пушкина, который „развращает ее овечек“.

Отсюда понятно будет, почему в тогдашних светских и бюрократических кругах общества, где бывал Пушкин, его боялись, как развратника настолько, что в результате правительства приходилось ссылать его куда-нибудь в ссылку. Его высылали в Одессу, Кишинев. Здесь его поведение принимало тот же характер и его высылали в другое место и т. д.

О том, как боялись цинизма и развратного поведения Пушкина характеризует и следующий отрывок из дневника соседа по имени А. Н. Вульфа: „Я видел Пушкина, который хочет ехать с шатерью в Малинники. Мне это весьма неприятно, ибо от того пострадает доброе имя сестры и матери, а сестре и других ради причин, это вредно („Пушкин и его современники“, выпуск XXI, стр. 19).

Как все патологические эротоманы Пушкин был фетишист: образ женской ноги всего ярче зажигал его эротическую фантазию. Это общеизвестно, об этом свидетельствуют многочисленные стихи и рисунки, набросанные в черновых его рукописях.

Один ученый и Пушкинианец—проф. Сумцов—написал специальную работу о женской ножке в поэзии Пушкина.

Если о фетишизме Пушкина ученый мог написать работу, то тем более можно написать целую книгу о патологической ревности Пушкина, которая могла принимать у него фантастические размеры, и которая всегда была злокачественным осложнением патологической сексуальности Пушкина. Ревность Пушкина поедом ела его в продолжении всей его жизни, по всякому ничтожному поводу, и приняла грандиозные размеры во время женитьбы Пушкина.

Сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлищева в одном письме так характеризовала страдания брата в начале 30-х годов:

—„Брат говорил мне, что иногда чувствует себя самым несчастным существом — существом близким к сумашествию, когда видит свою жену разговаривающей и танцующей на балах с красивыми молодыми людьми: уже одно прикосновение чужих мужских рук к ее руке причиняет ему приливы крови к голове и тогда на него находит мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной может изменять мысленно... Александр мне сказал о возможности не физического предпочтения его, которое по благочестию и благородству Наташи предполагать в ней просто грешно, но о возможности предпочтения мысленно других перед ним“. (Из семейной хроники „Воспоминания о Пушкине“—А. Павлищева, стр. 298).

Вообще вся семейная драма Пушкина, приведшая его к роковому концу, разыгралась на почве этой патологической ревности.

Пушкин, видя в женщине предмет чувственного обожания, в то же самое время если не вполне ненавидел женщину то, по крайней мере, ее очень и очень низко ставил: он считает ее существом низшего порядка, лживым, злым, коварным и душевно грубым.

В эстетическую чуткость женщины он совершенно не верил, он говорил: «Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью, самую раздражительную, едва-ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, недосыгая души; они бесчувственны к ее гармонии“. (цит. Дон-Жуанский список, стр. 29).

Тут напрашивается невольный один вопрос: как Пушкин, певший столько дифирамб женской ножке, любви, автор страстных элегий, комплиментов, признаний, пестрящих в букете его творчества и в то же самое время дает такой отзыв о женщине и высказывает такое отношение к ней.

Здесь больше всего сказывается патологическая сексуальность Пушкина, которая служила ему лишь объектом возбуждения в самом грубом смысле для его творчества, как водка для алкоголика, который презирая в душе эту водку, не может от нее отстать.

Это отношение к женщине, в одну из трезвых своих минут, Пушкин высказал в следующем стихотворении:

Стон лиры верной не коснется
Их легкой ветренной души;
Нечисто их воображенье
Не понимают нас они,
И признак Бога вдохновенья
Для них и чуждо и смешно
Когда на память мне неволью
Придет внушенный ими стих
Я содрагаюсь, сразу больно
Мне стыдно идиолов моих.
К чему несчастный я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгов чистых дум
Боготворить не устыдился?»

Так раскаивается и стыдится Пушкин за свою патологическую эротоманию, как алкоголик в минуту трезвости, ибо у трезвого Пушкина женский вопрос решается просто в следующем его четверостишии:

„Умна восточная система
И прав обычай стариков
Оне родились для гарема
Иль для неволи теремов“.

Тем более надо бы добавить к этому четверостишию, что для мученика патологической ревности это восточная система является единственной гарантией, при которой он мог быть покоен.

Итак мы отметили в жизни Пушкина его главные и наиболее выпуклые из циклических смен периодов возбуждения с периодами депрессии. Первую резкую перемену в характере Пушкина мы отметили в возрасте 7 лет: угрюмый, сосредоточенный в себе до этого возраста, он вдруг сделался резвым и шаловливым, чем привел в ужас своих родителей. В то же время т. е. на 8-м году он стал сочинять комедии и эпиграммы. Затем в возрасте 12 лет, когда он был уже лицеистом, отмечается также периодическая смена настроения и неустойчивость психическая: то необузданно-раздражителен до приступов бешенства из за пустяков или шумно и неестественно весел, то чрезмерно грустен, тосклив и депрессивен.

Далее, по окончании Лицея, в Петербургский период, т. е. в промежуток 1819—20 г. этот размах возбуждения, все более и более возрастает. Здесь в связи с крайней степенью возбуждения связывается самый разнузданный разгул, разврат, цинический и извращенный сексуализм, агрессивное поведение и столкновения с своей средой. Этому сильному размаху возбуждения, следует сильный приступ депрессии в 1820 году, который длится полгода. Вместе с этим творческая бесплодность. Затем новый приступ возбуждения дает Кишиневский период, где кривая возбуждения достигает предела. Разгул, разврат, драки, скандалы, агрессивность, дуэли, повышенный и извращенный сексуализм и проч. характеризуют также этот период.

С этого момента начинают развертываться новые элементы шизоидного характера, бывшие до сих пор не так развитыми. Все ярче и ярче проявляется „Сатанизм“ и „Байронизм“, как результат развертывающегося шизоидного начала.

В 1825 году снова появляется резко угнетенное настроение, тоска и разорванность со светом. С каждым годом приступы меланхолии делаются чаще и чаще, но и в то же время теряют тот характер чисто эмоциональных депрессий, а скорей принимают характер шизоидной скуки и замкнутости.

В 1827 году он стал избегать людей, в обществе бывает редко. В состоянии резкой тоски и меланхолии он переезжает из одного города в другой. Возбуждения не имеют того характера, свойственного периоду ссылок. Женитьба не улучшила состояние поэта; в 1835 году характер его резко меняется, он стал подозрителен и желчен. Вскоре все стали замечать, что Пушкин сделался каким то ненормальным.

Все эти приступы периодических возбуждений с периодическими депрессиями, как мы уже отметили выше, нельзя характеризовать как чистые формы маниакально-депрессивных состояний, ибо здесь примешивается целый ряд моментов в психике Пушкина, заслоняющих, или вернее изменяющих картину чистой формы маниакально-депрессивного состояния настолько, что невольно можно думать о другой диагностике. Помимо шизоидного компонента (уже выше отмеченного), разыгрывающегося на фоне маниакально-депрессивных состояний, необходимо отметить еще возможный и другой элемент. Это—аффект—эпилептический компонент имеющийся в психике Пушкина, дающий чрезвычайную аффективную вспыльчивость и агрессивность, ревность и чрезвычайно резкие смены настроения в очень короткий промежуток времени. Это тем более необходимо подчеркнуть, когда мы вспоминаем необузданную также аффект-эпилептическую психику его африканских предков по линии матери.

Что касается шизоидного компонента в психике Пушкина, благодаря развитию которого Кишневский период, а может быть еще раньше—Кавказский период—получает значение поворотного пункта в развитии его психики то он должен быть изучен в дальнейшем—особенно тщательно, ибо, как уже было отмечено, этот шизоидный компонент влияет на дальнейшее течение и характер маниакально-депрессивного компонента, эмоционально-волевая острота маниакально-депрессивных состояний теряет постепенно резкость, как бы притупляется. Возбуждение теряет свой чистый характер, спадает, делается реже. Депрессия хотя и делается все чаще и чаще, даже удлиняется, зато теряет свой чисто меланхолическо-эмоциональную окраску чистых депрессий. Шизоидный элемент эту эмоциональную меланхолию превращает все более и более в шизоидную скуку, вялость, тоску апатическую „деревянность“ и безразличие. Изменяется жизненный тонус; развивается желчность возрастает ревность принимающая характер бредового состояния точно также растет подозрительность и принимает также характер бредовой идеи. Повидимому, если бы не случайная смерть поэта, этот шизоидный компонент всецело завладел бы психикой Пушкина, ибо такова была тенденция этого шизоидного компонента в последние годы его жизни.

Конечно, все эти вопросы должны быть еще более детально освещены. Здесь, как мы уже сказали, мы намечали только канву для такой будущей работы, где также должен еще быть освещен вопрос о влиянии на творчество всех этих патологических моментов.

Л и т е р а т у р а :

1. П у ш к и н : „Родословная Пушкиных и Ганнибалов“.
 2. „ „ „Моя родословная“.
 3. „ „ „Дневник Пушкина“.
 4. А н и е и к о в : „Пушкин в Александровскую эпоху“.
 5. А н и е н с к и й : Пушкин в Царское село.
 6. Б а р т е н е в : Пушкин в Южной России.
 7. В е н к с т е р я : Пушкин.
 8. В у л ь ф А. : Пушкин и его современники.
 9. Г е р ш е в з о в : Образцы прошлого.
 10. Г у б е р : Дов-Жуанский список Пушкина.
 11. З а о з е р с к и й : Пушкин в воспоминаниях современников.
 12. Л е р н е р : Труды и дни Пушкина.
 13. Лицейская тетрадь Пушкина.
 14. М а й к о в : Биографические материалы о Пушкине.
 15. М о д з а л е в с к и й : Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина.
 16. П у щ и н : Записки о Пушкине.
 17. Сборник Пушкинского дома.
 18. С и ц о в с к и й : Пушкин, его жизнь и творчество.
 19. С т о ю н и н : Пушкин.
 20. К р е ч м е р : Строение тела и характер.
 21. Р ы б а к о в : Душевные болезни.
-

Делирий Максима Горького.

(Delirium febrile Gorkii).

О душевной болезни, которой страдал Максим Горький в 1889—1890 г.

Д-ра И. Б. Галант (Москва).

В небольшом очерке: „О вреде философии“, на страницах 183—195 шестнадцатого тома полного собрания сочинений *М. Горького*, озаглавленного: „Мои Университеты*), *Горький* художественно красочно, но видимо вполне правдиво описывает душевную болезнь, которою он страдал в 1889—1890 годах. Описание это имеет для психиатра не только огромный теоретический интерес, но, как мы сейчас убедимся, и не малое практическое значение, а сверх того описание это имеет не маловажную историческую ценность, ибо *Горький* обратился за советом к врачу психиатру и сообщает, как его психиатр лечил, давая нам таким образом возможность судить о психиатрической науке того времени в ее применении на практике.

Судя, по заглавию очерка: „О вреде философии“, легко допустить, что *Горький* обвиняет свое увлечение философией и философскими проблемами в развитии той психической болезни, которою он страдал в 89/90 годах, и мы имели бы перед собой своего рода „morbus philosophicus“. Однако, вряд ли *Горький* сам верил тому, что философия его сделала душевно-больным, хотя космогонические бредовые идеи или представления играют большую роль в делирии *Горького*. Вернее думать, что *Горький* немного подтрунил над самим собой и дал юмористическое выражение тем напрасным усилиям разрешить не разрешимое (вопрос возникновения мира), которые утомляли его юный ум. Философией же *Горький* занимался в то время очень мало, и по собственному его признанию он не стал читать „Историю Философии“, которую он достал. Она ему показалась скучной...

Но *Горький* слушал лекции по философии у знакомого студента-химика *Николая Захаровича Васильева*, большого ори-

*) Государственное издательство. Ленинград 1924 г.

гинала, наслаждающегося ломтями ржаного хлеба, посыпанными толстым слоем хинина, и показавшего вообще сильное средство с различными химическими веществами, которыми он неоднократно отравлял себя пока не отравился в 1901 г. окончательно индигоидом, работая ассистентом у профессора *Конюшова* в Киеве. После двух лекций *Васильева* по философии, одной о демократии и другой об Эмпедокле, *Горький* спустя несколько дней заболел.

А может быть и раньше! Уже на второй лекции *Васильева* *Горький* „видел *) нечто неопишущее страшное внутри огромной, бездонной чаши, опрокинутой на бок, носятся уши, глаза, ладони рук с растопыренными пальцами, катятся головы без лиц, идут человечьи ноги, каждая отдельно от другой, прыгает нечто неуклюжее и волосатое, напоминая медведя, шевелятся корни деревьев, точно огромные пауки, а ветви и листья живут отдельно от них; летают разноцветные крылья, немо смотрят на меня безглазые морды огромных быков, а круглые глаза их испуганно прыгают над ними; вот бежит окрыленная нога верблюда, а вслед за нею стремительно несется рогатая голова совы.—вся видимая мною внутренность чаши заполнена вихревым движением отдельных членов, частей кусков, иногда соединенных друг с другом иронически безобразно“.

„В этом хаосе мрачной разобщенности, в немом вихре изорванных тел, величественно движутся, противоборствуя друг другу Ненависть и Любовь, неразлично подобные одна другой, от них изливается призрачное, голубоватое сияние, напоминая о зимнем небе в солнечный день и освещает все движущееся мертвенно однотонным светом“.

Болезнь развивается дальше, и *Горький* пишет об этом: „через несколько дней почувствовал, что *мозг мой плавится и кипит*, рождая странные мысли, фантастические видения и картины. Чувство тоски, высасывающей жизнь, охватила меня, и я стал бояться безумия. Но я был храбр, решил дойти до конца страха, и вероятно, именно это спасло меня“. **)

Следует целый ряд фантазий, которые *Горький* переживал отчасти галлюцинаторно, и из которых самое интересное, так как в нем содержится „описание“ вечности, следующее:

*) Все напечатанное здесь курсивом места в тексте *Горького* подчеркнуты нами, а не самим *Горьким*.

**) Этим последним предложением *Горький* очевидно, хочет сказать, что он охотно отдавался ужасающим фантазиям, которые он отчасти сам вызывал, при чем эти фантазии при болезненном психическом его состоянии переживались им, как ужасная действительность, потрясавшая страхом всю его нервную систему. Почему, однако, *Горький* думает, что это его „спасло“, а не наоборот давало пищу его болезни трудно сказать.

„Из горы, на которой я сидел, могли выйти большие черные люди с медными головами. Вот они тесной толпой идут по воздуху и наполняют мир оглушающим звоном, от него падают, как срезанные невидимой пилой, деревья, колокольни, разрушаются дома и вот—все на земле превратилось в столб зеленовато горящей пыли, осталась только круглая, гладкая пустыня и, посреди, я, один на четыре вечности. Именно—на четыре, я видел эти вечности, огромные темно—серые круги тумана или дыма, они медленно вращаются в непроницаемой тьме, почти не отличаясь от нее своим прозрачным цветом“

„За рекою, на темной плоскости вырастает, почти до небес, человечесье ухо, обыкновенное ухо, с толстыми волосами в раковине, вырастает и,—слушает все, что думаю я.

„Длинным двуручным мечем средневекового палача, гибким, как бич, я убивал бесчисленное множество людей они шли ко мне справа и слева, мужчины и женщины, все нагие, шли молча, склонив головы, покорно вытягивая шею. Сзади меня стояло неведомое существо, и это его волей я убивал, а оно дышало в мозг мне холодными иглами“.

„Ко мне подходила голая женщина на птичьих лапах, вместо ступней ног, из ее грудей исходили золотые лучи вот она вылила на голову мне пригоршни жгучего масла, и вспыхнув, точно клочок ваты, я исчезал“.

Кроме галлюцинаций зрения у *Горького* в это время были ясно выраженные галлюцинации слуха, которые бывали до того интенсивны, что вызывали его на шумные выступления:

„А дома меня ожидали две мыши, прирученные мною. Они жили за деревянной обшивкой стены; в ней на уровне стала, они прогрызли щель и вылезали прямо на стол, когда я начинал шуметь тарелками ужина, оставленного для меня квартирной хозяйкой“.

„И вот я видел: забавные животные превращались в маленьких серых чертенят и, сидя на коробке с табаком, болтали мохнатыми ножками, важно разглядывая меня, в то время как скучный голос, неведомо чей, шептал, напоминая тихий шум дождя:

— Общая цель всех чертей—помогать людям в поисках несчастий

— Это—ложь—кричал, я озлобясь.—Никто не ищет несчастий...

„Тогда являлся некто. Я слышал, как он гремит щекоткой калитки, отворяет дверь крыльца, прихожей, и—вот он у меня в комнате. Он—круглый, как мыльный пузырь, без рук, вместо лица у него—циферблат часов, а стрелки из

моркови, к ней у меня с детства идиосинкразия. Я знаю, что это муж, той женщины, которую я люблю, он только переоделся, чтобы я не узнал его. Вот он превращается в реального человека, толстенького с русой бородой мягким взглядом добрых глаз; улыбаясь он говорит мне все то злое и нелестное, что я думаю о его жене и что никому, кроме меня, не может быть известно.

— Вон!—кричу я на него

Тогда за моей стеной раздается стук в стену,—это стучит квартирная хозяйка, милая и умная Филицата Тихомирова. Ее стук возвращает меня в мир действительности, я обливаю глаза холодной водой, и через окно, чтобы не хлопать дверями, не беспокоить спящих, вылезая в сад, там сижу до утра.

Утром за чаем хозяйка говорит:

— А Вы опять кричали ночью...

Мне невыразимо стыдно, я презираю себя“.

Очень важным симптомом, пополняющим картину болезни *Горького*, которую мы стараемся воспроизвести здесь по отрывкам из „О вреде философии“, это *резкая сновидная олушенность*, ведущая к тому, что *Горький*, работая забывает вдруг себя и окружающее и бессознательно вводит в работу совершенно чуждые ей элементы, не стоящие с ней ни в прямой, ни в косвенной связи, как это бывает во сне, где самые невозможные противоречащие факты связываются в одно целое. Вот что рассказывает *Горький*:

„В ту пору я работал, как письмоводитель у присяжного поверенного А. И. Лапина, прекрасного человека, которому я многим обязан. Однажды, когда я пришел к нему, он встретил меня бешено размахивая какими то бумагами крича:

— Вы с ума сошли? Что это Вы, батенька, написали в апелляционной жалобе? Извольте немедленно переписать,—сегодня истекает срок подачи. Удивительно. Если это шутка, то плохая, я Вам скажу.

Я взял из его рук жалобу и прочитал в тексте четко написанное четверостишие:

— Ночь бесконечно длится...

Муки моей—нет меры.

Еслиб умел я молиться.

Еслиб знал счастье веры

Для меня эти стихи били такой же неожиданностью, как и для патрона, я смотрел на них и почти не верил, что это написано мною“.

А фантазии и видения все более и более овладевают
Горьким:

„От этих видений и ночных бесед, с разными лицами которые неизвестно как появлялись передо мною и неуловимо исчезали, едва только сознание действительности возвращалось ко мне, от этой слишком интересной жизни на границе безумия необходимо было избавиться. Я достиг уже такого состояния, что даже и днем при свете солнца напряженно ожидал чудесных событий“.

Наверно я не очень удивился бы, если бы любой дом города вдруг перепрыгнул через меня. Ничто на мой взгляд не мешало лошади извозчика, встав на задние ноги провозгласить глубоким басом:

— „Анафема“.

К этим экстравагантным выходкам необузданной фантазии, к сновидной оглушенности галлюцинациям, временами присовокупляются навязчивые идеи, действия и поступки:

„Вот на скамье бульвара, у стены кремля сидит женщина в соломенной шляпе и желтых перчатках. Если я подойду к ней и скажу:

— Бога нет.

Она удивленно, обиженно воскликнет:

— Как? А—я?—тотчас превратится в крылатое существо и улетит, вслед за тем вся земля немедленно поростет толстыми деревьями без листьев, с их ветвей и стволов будет капать жирная, синяя слизь, а меня как уголовного преступника приговорят быть 23 года жабой и чтоб я, все время день и ночь звонил в большой, гулкий колокол Вознесенской церкви.

Так как мне очень, нестерпимо хочется сказать даме, что бога—нет, но я хорошо вижу, каковы будут последствия моей искренности,—я как можно скорей, стороной, почти бегом, ухожу“.

Реальность, мир действительных явлений, перестает временами совершенно существовать для *Горького*:

„Все—возможно. И возможно, что ничего нет, поэтому мне нужно дотрагиваться рукою до заборов, стен, деревьев. Это несколько успокаивает. Особенно—если долго бить кулаком по твердому, убеждаешься, что оно существует.

„Земля очень коварна, идешь по ней также уверенно, как все люди, но вдруг ее плотность, исчезает под ногами, земля становится такой же пронизываемой, как воздух,—оставаясь темной,—и душа стремглав падает в эту тьму бесконечно долгое время, оно длится секунды“.

„Небо тоже ненадежное; оно может в любой момент изменить форму купола на форму пирамиды вершиной вниз, острые вершины упрутся в череп мой и я должен буду неподвижно стоять на одной точке, до поры пока железные

звезды, которыми скреплено небо, не перержавеют, тогда оно рассыплется рыжей пылью и похоронит меня.

Все возможно. Только жить невозможно в мире таких возможностей.

Душа моя сильно болела. И еслиб, два года тому назад я не убедился личным опытом, как унизительна глупость самоубийства я наверное применил бы этот способ лечения больной души“.

Удивительно. Несмотря на то, что *Горький* приложил все свои старания, чтобы дать нам точное описание душевной болезни, которой он страдал в 89-90 годах, он ни разу не упоминает сопровождалась ли его болезнь лихорадкой или нет, считая очевидно это обстоятельство совершенно безразличным и без всякого влияния на развитие и характер душевной болезни. А между тем лихорадка эта та ось, вокруг которой вращается нередко психиатрическая диагностика, и вообще—то этот момент никогда не должен упускаться психиатром из виду.

К счастью мы из описания *Горького* в состоянии заключить, что описуемая им в „О вреде философии“ душевная болезнь сопровождалась сильными припадками лихорадки и вся его болезнь может быть определена психитрически, как *лихорадочный делирий* (*Delirium febris*).

Мы пришли к этому заключению на основании следующих обстоятельств.

Несмотря на то, что *Горький* был крепкого телосложения, и он не забывает при всяком удобном случае рассказать о своей атлетической силе, позволявшей ему выполнять в юные годы тяжелейшие работы (пекаря, грузовщика и т. д.), он тем не менее легко простуживался и серьезно простуживался. Так *Горький* рассказывает в следующем за «О вреде философии» очерке: „О первой любви“, как он живя в старой бане в саду попа в короткое время заболел сельным ревматизмом: „Я поселился в предбаннике, а супруга в самой бане, которая служила и гостинной. Особнячек был не совсем пригоден для семейной жизни. он промерзал в углах и по полам. Ночами, работая, я окутывался всей одеждой, какая была у меня, а сверх нее—ковром и все—таки приобрел серьезнейший ревматизм. Это было почти сверхестественно при моем здоровье и выносливости. Лекции по философии *Горький* слушал у своего учителя, студента *Васильева*, в саду в сырые ночи: „Так же, как накануне, был поздний вечер, а днем выпадал проливной дождь. В саду было сыро, вздыхал ветер, бродили тени, по небу неслись черные клочья туч, открывая голубые пропасти и звезды, бегущие стремительно“.

Об учителе, студенте *Васильеве*, он пишет, что он в это время болел лихорадкой: у *Николая* была лихорадка, он

зябко кутался в старенькое пальто, шаркал ногами по земляному полу беседки, стол сердито скрипел”.

Все это позволяет нам думать, что *Горький* вместе с философской мудростью нашл себе серьезную лихорадку с бредом, и увлекшись чудными картинами своего бреда забыл совершенно про лихорадку. А что лихорадка *Горького* была очень сильная и его бросало то в жар, то в озноб можно судить по таким ощущениям как „*оно дышало в мози мне холодными шлами*“ (!) или „*вот она вылила на голову мне пригоршни жгучего масла, и, вспыхнув, точно клочок ваты, я исчезал*“.

Такого рода ощущения у душевно больного вряд ли могут быть выражением какого-нибудь другого физиологического состояния, если не состояния сильной лихорадки. В моей работе „*Parästhesien ú Körperhallutinationen*“ в Венских „*Jahrbucher für Psychiatrie ú Neurologie*“ 1924 года, я доказываю, что у душевно больных самые обыкновенные ощущения превращаются часто в ужасающие галлюцинации, и всем известное «беганье мурашек» при отсиживании ног превращаются у душевно больного в ощущение в ноге огромной сползающей головой вниз змеи, которая в ступне открывает пасть и вкусувается ногами в пол, не давая возможности двинуть ногой. В самом же деле при парестезии бегания мурашек нельзя двигать ногой из-за того, что нога на некоторое время немеет и получается легкий, скоропроходящий паралич...

Таким образом не может для нас существовать никакого сомнения, что душевная болезнь, которой страдал *Горький* в 1889—1890 представляла собой *лихорадочный делирий* (Delirium febrile). За этот диагноз говорит то характерное сочетание симптомов—фантазии иллюзий, галлюцинаций, аффекта страха—на которые мы уже указали, иллюстрируя их выдержками из описания *Горького* своей болезни, сновидной оглушенностью и лихорадкой. *Крепелин* характеризует кратко лихорадочный делирий, как делирий, „сопровождающийся более или менее резкой сновидной оглушенностью, неясным часто извращенным усвоением окружающего и фантастическими переживаниями, иногда также довольно сильным беспокойством с боязливым или веселым настроением“.

Страдал *Горький* несомненно лихорадочным делирием, который благодаря увлечению *Горького* космогоническими фантазиями получал особенно богатую пищу и пышно расцветал, может быть дольше чем это было бы при других менее благоприятных условиях. Как же лечил психиатр *Горького*? Вот что нам рассказывает об этом сам *Горький*.

„...Маленький, черный, горбатый психиатр, человек одинокий, умница и скептик, часа два расспрашивал, как я

живу, потом, хлопнув меня по колену страшно белою рукою, сказал:

— Вам, дружище, прежде всего надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю дребедень, которой вы живете. По комплекции вашей, вы человек здоровый—и стыдно вам так распускать себя. Вам необходим физический труд. На счет женщин—как? Ну! это тоже не годится. Предоставьте воздержание другим, а себе заведите бабенку, которая покладнее в любовной игре,—это будет полезно.

Он дал мне еще несколько советов, одинаково неприятных и неприемлемых для меня, написал два рецепта, затем сказал несколько фраз очень памятных мне.

— Я кое-что слышал о вас и—прошу извинить, если это не понравится Вам.—Вы кажетесь мне человеком, так сказать, первобытным. А у первобытных людей фантазия всегда преобладает над логическим мышлением. Все, что Вы читали, видели, возбудило у Вас только фантазию, а она совершенно непримирима с действительностью, которая хотя тоже фантастична, но на свой лад. Затем: один древний умник сказал: кто охотно противоречит, тот неспособен научиться ничему дельному“. Сказано хорошо. Сначала—изучить, потом противоречить—так надо.

Провожая меня, он повторил с улыбкой веселого черта:

— “А—бабеночка очень полезна для вас“.

Я нарочно цитирую весь отрывок, где Горький, рисует психиатра, из-за исторической ценности этого отрывка. Как ни странно, но задолго до возникновения и распространения Фрейдовского психоанализа (Книга „Studien uber Hysterie“, которую Freud писал вместе с *Иосифом Breuer* от и послужившая основой и исходным пунктом психоанализа опубликовалась лишь в 1895 году), приписывающего половой сфере, собственно психосексуальным расстройствам, главную роль в развитии душевных болезней, существовал, очевидно, среди русских психиатров взгляд, что половая жизнь принимает самое деятельное участие в формировании здоровой и больной психики человека, и психиатр дававший Горькому советы настаивает (!) на том, чтобы он завел себе „бабенку, которая покладней к любовной игре“, уверяя его, что это ему будет полезно!

Не умаляя ничуть роли сексуальной сферы в ее влиянии на психическое развитие индивида, я считаю лишним особенно сильно подчеркнуть, что в случае Горького половой вопрос был не причем, в чем с нами согласится каждый психиатр, прочитав вышеизложенный анализ болезни Горького.

Да и вообще-то психиатр не должен быть первым, лишаящим человека (хотя-бы советом) половой его невинности, тем более, что воздержание не может быть причиной душевной болезни, особенно если воздержание это проводится не насильственно, а вытекает из самой природы человека, как это было у *Горького*. *Горький* упоминает много раз, что у него половое влечение в юности было слабо развито объясняя это отчасти тяжелым физическим трудом, отчасти увлечением литературой и наукой. Как же в таком случае воздержание вполне естественное и разумное могло, хотя бы даже косвенно, вести к душевной болезни?

Во всем другом психиатр правильно советовал *Горькому*. *Горький* явился к психиатру, когда лихорадка прошла и делирий тоже начал ослабевать. Однако, изнуренный долго длившейся лихорадкой, исхудалый и разбитый бессонницей, измученный ужасами бешенных фантазий, пережитых часто, как кошмарная действительность, *Горький* нуждался более чем когда-либо в рациональной медицинской помощи. Полное отречение от книг, отдых, крепкое питание и разумный не переутомляющий физический труд должны были в короткое время восстановить от природы крепкое здоровье *Горького*.

И *Горький* выздоровел!

* *

*

Нигде в психиатрической литературе, и в литературе вообще не найдем мы такого типичного, удачного описания лихорадочного делирия. Описанный *Горьким* лихорадочный делирий до того типичен и поучителен для психиатра, что он должен остаться в психиатрии под ярлыком: *Delirium febrile Gorkii*. Психиатры всех времен любили дробить делирии по их содержанию на бесчисленные разновидности *), что вполне позволительно ввести в психиатрическую литературу это новое обозначение делирия, понимая под ним лихорадочные делирии, которые по содержанию и духу очень близко стоят к пережитому *Горьким* в 1889—1890 годах лихорадочному делирию.

*) См. об этом: Корсаков С. С. Курс психиатрии 2-е издание. Москва 1901.

Болезнь и творчество Врубеля с психопатологической точки зрения.

Преподавателя психиатрической клиники 2-го Московского Государственного Университета М. И. ЦУБИНОЙ.

Психиатры в своих исследованиях давно уже не ограничиваются областью душевного расстройства в собственном смысле и задолго до того, как Stransky провозгласил свой известный лозунг *heraus aus dem Turm hinaus*, отмечали все то психопатологическое, которое отражалось в жизни. Очень много ценного для специалистов они черпали в творческих переживаниях и художественных произведениях, при их использовании в разных направлениях. Чаще всего в клинических типах они стремились найти дополнение к клиническим наблюдениям, устанавливая сближение художественных образов с теми или иными болезненными формами. Так, в типах Достоевского психиатры могли констатировать очень много моментов, ярко и выпукло обрисовывающих эпилептический характер, вообще картину падучей, а также психопатические личности. В другой части работ психиатры стремились подойти к разрешению вопроса о художественном творчестве, делая сближение с некоторыми психопатическими состояниями (возбуждением близком к маниакальному, эпилептическому или, как Баженов называет, пароксизматическому); иногда психиатры центром своего внимания делали личность самого художника, если в ней были болезненные отклонения и, анализируя его произведения, ставили в связь характерные черты для них с особенностями болезни. В стремлении дать определенный психиатрический диагноз тому или другому писателю или художнику, психиатры обычно стояли на нозологической точке зрения и одного какого нибудь психоза. Между тем в психиатрии в настоящее время принимается, что чистые формы заболевания представляют большую редкость. Гораздо чаще наблюдаются переходные смешанные формы. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что в различных психиатрических работах одному и тому же художнику ставится не всегда одинаковые диагнозы: в сложной клинической картине, произошедшей благодаря взаимодействию различных наследственных моментов, экзогенных влияний, придается значение одной

группе явлений и по ней обозначается диагноз. Так, болезнь Гоголя Н. Н. Баженов диагностирует, как маниакально—депрессивный психоз, а В. Ф. Чиж, как *dementia praecox*. Болезнь Шумана одними определяется, как прогрессивный паралич, другими как *dementia praecox* *).

Ввиду этого представляет большой интерес подойти к анализу личности в творчестве большого художника с современной точки зрения на психоз, как на очень сложное целое, отдельные части которого обуславливаются различными экзогенными и эндогенными моментами. Такой сложной натурой, давшей сложную картину душевного заболевания, является художник Врубель. Его болезнь и творчество представляют большой интерес именно с указанной точки зрения. Попыткой структурного анализа в смысле *Binbaum*'а является предлагаемый очерк.

В архивах клиники Первого Московского Государственного Университета, где в толстых фолиантах, эпически, как в летописи, отмечаются скорбные страницы жизни, находится краткая запись, ничем от других не отличающаяся: явился в клинику 10 февраля 1902 года 46 лет от роду Михаил Александрович Врубель; по национальности русский (стец поляк), родился в гор. Омске в 1856 г., образования высшего, сословия привилегированного. Диагноз: *Paralysis progressiva*. Выписался с значительным улучшением 16 сентября 1903 г. (затем следует краткое описание болезни). В следующем—1908 году—такая же краткая запись—краткая заметка о пребывании, и о страданиях гениального художника. К этой заметке можно добавить следующие данные:

Врубель М. А. родился в 1856 г.

Мать умерла 23 лет от роду. Страдала туберкулезом.

Отец умер 70 лет. Инсульт. Страдал артериосклерозом.

Дед по матери—маниак.

Дед по отцу—алкоголик.

Брат умер 11 лет от туберкулеза.

Сестра перенесла острое меланхолическое состояние.

Брат от другой матери—наркоман.

Сестра перенесла временный паралич.

Сын художника родился с заячьей губой. Умер 2-х лет от воспаления мозговых оболочек.

Эти противоположные свойства отца и матери соединил в себе, в сложном синтезе, Михаил Александрович. Характера был мягкого, вспыльчив, задумчив. В детстве был

*) Dr Feis. Studien über die genealogie und psychologie der musiker. Wiesbaden. 1910.

энергичен, оживлен, любознателен. По окончании гимназии начинает меняться характер. Сделался задумчив, застывает, стоя на одном месте, впадает в оцепенение. Повидимому, начинают выявляться шизоидные черты. Иногда обычная вдумчивость сменяется ажиотацией. Тогда острая жажда впечатлений. Пьет алкогольные напитки с университетских лет, иногда по многу. Кончил юридический факультет, интересовался философией. Поступив в Академию художеств сам намечает себе дорогу. Непонятый, непризнанный все же не уклоняется от намеченного пути. Друзей и врагов удивляет своим талантом. Совершенно исключительная память. Страстно любит природу. Из Венеции пишет сестре: „так хорошо, что и говорить и писать некогда“. Долго вынашивает в себе образы, долго добивается идеи, сущности часто переутомляется работой. В 1892 году заболевает сифилисом. В 1896 г. женился. Был счастлив, спокоен, сосредоточен. Был, очень заботлив. Много пишет портретов с жены. Этот образ был для него достижением. Задумывается о своей судьбе и с друзьями говорит о том, что его ждет впереди ужасная будущность. Волнение усиливается в 1900 г. Делается тревожным, нервным. С 1900—1902 г. пишет без перерыва. Осенью 1901 г. много волнений по поводу демона. Делается раздражительным, рассеянным, безпокойным. Болтлив, возбужден. Носится с огромными планами в искусстве. В 1902 г., по окончании последнего демона, 46 лет от роду, заболевает и поступает в психиатрическую клинику 1-го Московского Университета. Состояние маниакальное, возбужденное. Идеи величия: он император, пьет только шампанское, он музыкант, его голос—хор голосов. Склеивает из бумаги платки, проводит штрихи—карандашами, углем. Собирает мусор, возится над ним. Говорит—выйдет Борис и Глеб. Эротичен. Неврологический status подтверждает диагноз. Постепенно наступает улучшение. Заботится о жене. Пишет с натуры, пишет складки чехла на стуле. От разговоров об искусстве уклоняется. Чувствует себя утомленным. Выписывается после 1/2 годового пребывания в клинике с улучшением. Внезапная смерть малютки—сына. Пишет его портрет. Состояние резко удрученное. Через 1/2 года опять поступает в клинику. Депрессивное состояние. Бред самообвинения, отрицания, греховности. Галлюцинации: его пытаются, его казнят, его сажают в тюрьму. Его жена умирает с голода. Он опозорил семью. У него нет ни рук, ни ног. Он пустой мешок. 47 лет он вовсе не жил. Временами казалось, что его личность распалась, но вслед за тем он пленяет своей мягкостью, умом. Бывал агрессивен, но до грубого цинизма паралитиков не доходил. В конце года улучшение. Пишет портреты. В 1904 году переводится в лечебницу д-ра Усольцева. Много работает. Стилизация цве-

тов. Интересуется Корсаковым. Снова переживает острое маниакальное состояние. Он знаменитый художник, еще не превзойденный. Он знатного польского рода. Скачка идей. Рисует резкими штрихами на стенах. Несколькo успокаивается. Пишет много автопортретов. На одном перекрасил себе волосы и украсил себя красным платочком. Пишет себя много раз. Часто один портрет на другом. Опять улучшение. В 1905 г. новая вспышка возбуждения. Во время ремиссии снова работает. И так все время. В 1905 г. начинает слепнуть „хотя бы ядом ускорить себя конец“—говорил в скорби художник. В 1909 г. в Петрограде Врубель скончался.

Сквозь эти об'ективные данные, немногочисленные и сухие, прорывается Врубель—художник, полный тревоги, напряженный в своих картинах, нашедший для себя так много прекрасных образов, носивший их, создавший такую особенную „врубелевскую“ манеру письма, такой тонкий в стилизации, вникавший своим взором и философским умом в суть вещей, идей и своими резкими углами оттенявший, отделявший эту суть, так много черпавший от природы, от любви—Врубель стоит одиноко среди плеяды русских художников—жизнерадостный и скорбный „солнечный“ и холодный.

Врубель в радости начал творить. Ребенком он выдумывает игры—он корсар, он рыцарь, он силен и горд. В юношеском возрасте на него нападают минуты оцепенения. Много работает над философскими проблемами в университете: рисует в Академии художеств, всматривается в старое искусство, но упорно думает о своем. Верит в свои силы. Много планов идей. Настроение несколько повышенное, пишет автопортреты. Материальные неудачи его не сломали. Он не признан, но своего пути не оставляет. Периоды сосредоточенности, вдумчивости, проникновения сменяются периодами возбуждения. Тогда он ищет новых знакомств. Однажды он сдружился с извозчиком, поехал к нему в деревню и там чуть не женился (со слов д-ра Усольцева). Таких периодов возбуждения у него было несколько. Он впитывает образы, страстно ищет людей. В этот период он пишет много орнаментов, украшений, проектов. Много начато, мало закончено. За этими гипоманиакальными периодами опять сосредоточенность, вдумчивость.

В периоды полного расцвета своей любви, своего таланта художник молчалив, сдержан. Эти 10 лет он чрезвычайно многообразен. Во всех образах из мифологии, из природы—езде его жена. Чем больше писал с нее, тем больше пленялся ею. Этот женский образ и образ демона были спутниками его художественной жизни и ими так заполнен художник, что они стали как бы раздвоением его духа, его творчества. Всю жизнь пишет Врубель демона с напряжен-

ным вниманием. По мнению Яремича, голова пророка Моисея еще в начале, когда писал лики святых, уже похожа на демена. Сам философ, он как бы вытесняет „божественное“ в противоположное русло. Этот атавизм, это вытеснение религиозности в чорта, дьявола, это возвращение к „старым богам“ и в русской и в иностранной литературе отмечено психопатологическими чертами. По мнению пр. Россолимо чорт, дьявол, демон—образы преследующие душевно-больных, встречаются и в литературе людей больными нервами.

В русской литературе эта черта отмечена Достоевским. Когда Иван Карамазов переживал острое душевное состояние, к нему Ивану, философу-атеисту, пришел черт и Иван принял его, поверил ему. Гоголь в гипоманиакальном состоянии—и весел его чорт. Меняется душевное настроение Гоголя и в „Вие“ уж не чорт, а грозный дух земли. Сам Гоголь выстаивает на коленях целые дни, вымаливая прощение у грозного бога.

Баженков пишет, что такие резкие контрасты свойственны больным людям. Верлен, отец которого кончил прогрессивным параличом, и он сам, известный столь многострадальной жизнью, рядом со стихами полными религиозного экстаза, пишет стихи полные разнузданности. Врубель постигший „красоту земной радости“, любивший краски земли, носит в себе этот „дух“, этот демонизм, как постоянное отщепление. Образы из мифологии, также „весенне-радостные“ как Лель, Купава, населяют землю и вместе с тем образы его жены. Тут и „радостный экстаз любви“, и влечение к „духам“, к демонизму составляют как будто одно целое, одну неразрывную связь. И в единое целое слились они—и „сладострастный Пан, и „золотистая Волхова“, и „змеино гнездящийся демон“. Все творчество Врубеля связано с демоном. Демон на горных высях связан с душевными переживаниями художника и больной, он все еще не расстается с демоном. Первые дни творчества связаны с повышенным настроением художника. Он пишет в серебристых тонах лики святых. Он дает себе простор в орнаментах и украшениях. Орнаменты его расцветают целой гаммой красок и эмблемой беспечной радости—павлинами с распущенными, в радужных красках, хвостами. И в девочке на фоне персидского ковра, и в мужчине украшенном розами, и в многочисленных сложных узорах художник выражает свою влюбленность в жизнь. В этот период 1890 г., он пишет сидящего демона сосредоточенность его, напряжение, необычайная мощь его рук—свидетельствует о том, что „демон никому не уступит ни над землей, ни на земле. Он пойдет своей дорогой. Этот „дух“—это сам художник. —

Таков он, таково его творчество. Он долго таил, а теперь развернет свои дары. 80 и 90-е годы—полный расцвет его жизни. Его вещи дают „стройный многозвучный аккорд“. Он „полон внутренней силы, он упоен любовью и в пылающем взлете Мефистофеля, и в блестящем маскараде Венеции, и в жемчужном платье морской царевны“—во всем прорывается его богатство эмоций, радость жизни. Рядом с этим и над всем этим демон художника еще беспечен. „Кто знает, зачем дерево растет, зеленеет“. Ему „понятны и близки страстные вздохи испанской ночи и из недр русской земли вышедший и в нее внедренный Вольга Святославич“. Среди этой полной эйфории „счастья“ запала в душу художника тревога. Тревога имевшая реальную основу. С тех пор он не спокоен. Он постоянно читает „Привидения“ Ибсена. Там он предвидит много общего со своей судьбой. Тревога прорывается в самые „радостные минуты“ и если к художнику в 1895 г. „прилетает греза, то ее глаза полны печали“, и если „в тонкой одухотворенной радости“ художник стремится к сиреневым цветам, то среди сирени, весной расцветающей, грустное женское личико и лиловые цвета, пронизаны холодным свинцовым налетом.

В том же году написано Ночное. Красные цветы, красный полумрак—весь этот красный насыщенный свинцом, цвет догорающей зари таит в себе жуткое, как будто он насыщен ядом, который в себе носит художник. Это тень печали, холод на солнечных цветах, символ его душевного настроения. Как будто художник видит невидимое грозное и оно пеленой будет закрывать самое радостное для него, созерцателя природы, лучи и цветы. Отныне эта тень будет спутником его до самого конца.

В 1899 г. написан Пан. Это не добродушный Пан Рубенса, любимый гость крестьянской семьи. Пан Врубеля не среди людей. „Опасны звериная сила и злые огоньки его глаз. Велика мощь художника, как Пан всеобъемлюща, но опасен недуг его, опасна злая сила, что его сторожит. В страшный неожиданный час она его застигнет, Художник интуицией своей предвидит этот час. „Оттого так жутко встретить Пана в глухую полночь, при ярком свете полумесяца“. Пан—его судьба и художнику от нее не уйти. Над ним тяготеет уже страх, он переживает уже тяжелые минуты. Он взволнован, рассеян, забывчив. Препсихотическое состояние. Но так велика его художественная сила, что в это время, когда обыкновенные люди теряют возможность заниматься обыденными своими делами, художник свекает образами, красками, глубоким проникновением. В демоне он отразит всю силу и слабость своего мятежного состояния. В 1900 году пишет царевну—лебедь. Царевна—лебедь в чудесных перьях не знает радости. Ей непонятно почему она

оторвана от земли. Как будто художник переживает этот взлет в ирреальный мир. В 1901 году художник был подвергнут сильному приступу страха и изображаемый им лебедь его страшен. В страстном порыве, с змеино изогнутой шеей, устремился лебедь в темную даль и страх, невыразимый страх в его глазах. Этот резкий контраст снежно белых и темных красок еще больше оттеняет этот ужасный крик тех страшных мук, которые предчувствует художник. Он предвидит свою болезнь и изливши свою страстную борьбу за радость и жизнь в жутком красном цвете в безумном смятении *лебедь птицы*, художник в отчаянии разбивает демона.

Но мысль художника, как в заколдованном кругу сосредочена над демоном. Закончив его, он уйдет больной в больницу. Он возбужден. „Нельзя толочься, как комары в болоте“. Он среди художников первый и как он на земле, так демон над землей. Резкими штрихами он отделяет демона (1901 г.) от всего мира. Среди холодных тонов, на снежной вершине, лежит он полный несокрушимой силы. „Он один—властитель мира—не воплотил ли он идею величия, с которой носился художник? В 1902 г. последний демон. В переливах из разноцветных камней, на холодном неподвижном льду, точно скованный в неудобной позе, змеино вытянувшись, лежит демон. Со слезами в глазах лежит он среди горного великолепия. Это слезы самого художника. Он скован, заторможен. Скоро наступит пора, когда галлюцинации и видения будут не творческими, а выражением его больного ума, также бессильными и уродливыми. Окончив демона, художник явился в клинику. Скачка идей, идеи величия. Он рисует углем, слюной. Его рисунки—какие то резкие штрихи. Написанный им, в клинике 1-го московского университета, демон без выражения, окруженный синими и красными, змеевидными штрихами. Этими контрастирующими красками художник как бы хочет усилить впечатление. Как у него нет ни рук, ни ног, как он пустой мешок, также пуст его демон. Наступает ремиссия и свои эмоции художник претворяет в удачных портретах. Во время пребывания у доктора Усольцева он снова переживает маниакальное состояние, снова потоки мыслей, снова резкие штрихи. Он рассказывал, что до галлюцинаций ярко видел картины. Выравниваясь он снова пишет автопортреты. Пишет картину одну за другой. Начал рисовать два Усольцева, увлекся иконой, не закончил портрет. Наступает ремиссия и тут приходится сказать вместе с Чеховым: „Условия художественного творчества не всегда согласны с научными данными“ и еще раз вспомнить известную фразу по поводу Бенвенуто Челлини: „художников нельзя судить, как обыкновенных смертных“ „Творческий дар“, колоссальные эмоции берут верх и Врубель выходит победителем“.

На 2-х картинах этого периода нельзя не остановиться: раковина и нагая женщина. Врубель до сих пор не писал обнаженных женских фигур. Вот именно, в этот период написанная им, нагая женщина не выражает ли она как будто повышенную сексуальность, свойственную этому заболеванию. По мягкости красок, по неуловимой нежности, которыми овеваны эти женские фигуры, чувствуется, как крепко связан художник с жизнью, с ее „чарами“. Можно сказать, что они символичны для его периода заката: тут и преданность земной жизни, тут и выражение моментов—радости творчества, ибо из одного русла питались они—его творчество, его страдания, демонизм. Всю свою скорбь он излил в скорбной голове пророка. У него снова возврат к старому. Он пишет святых. Как будто здесь в момент нервного напряжения произошел возврат от демона к богу или в творческом аппарате произошли сильные разрушения. Тогда, подчиняясь общему закону, наиболее сильными оказались старые воспоминания. „Мятежный дух“ ушел от художника и написанный им демон имеет ассиметричное женственное застывшее лицо (у д-ра Усольцева). Обеднело и творчество его композиции. Он считает березки, в то время как прежде он, с гениальной легкостью, справлялся с горными громадами не только полны значения отдельные произведения, но письмо, тон, колорит—все своеобразно. Надлом, напряженность сопровождает его творчество. Напряженно вслушивается лебедь, настороженно всматриваются кони, холодно, жутко от затерянной, в массе белого снега, черной ограды, тяжело от свинцового отлива. Характерны змеиные демоны. В периоды страхов, галлюцинаций змеи символичны для душевно больных. Они выплывают, как атавизм, у нас далеко спрятанных страхов перед незаметным врагом, который так неожиданно пугал первобытного человека. Застывшие льдины, громады камней, часто фигурируют в произведениях психопатических личностей (проф. Баженов).

Врубель в силу своих конституциональных особенностей сам переживал эти минуты застывания, околечения. „Что то зловещее в синих, лиловых его тонах“—говорит Бенуа. „В лиловом цвете нет улыбки“ (Гете.) Фиолетовый тон покрывает холодом сирень, освещает громады гор. Этим отливом насыщен красный цвет. Выразительность этих цветов для душевных переживаний отметил Метерлинк. Избирательность красок выразил и Гоген. Счастливый упрощенной жизнью и любовью, он залил свои синие цвета целыми потоками золота. Врубель в своих сочетаниях красок еще больше оттеняет свои зловещие настроения. Вся смена настроений от радости к печали и болезни, возбудимость, страхи, ужас скованность завершаются идеей величия, чтобы постепенно, угасая, переходя „от света к тьме“, «сложить дары богов».

Так болел и творил Врубель. Болезнь идет необычным путем. У него нет благодушия паралитиков, у него бывали моменты мании величия. Но он был горд и хотя творил в безумии, но все же был творцом. Он до болезненной яркости переживал свои творения. Он чувствовал свою силу, когда на Нижегородской выставке он был один, он чувствовал свою силу, когда яростно, безумно творил. Он захлебывался от избытка мыслей, он переживал их содержание. Когда же наступала ремиссия, он был „глубоко счастлив“, о чем гласит его надпись—„в память моего исцеления“. У него нет эмоциональной тупости, он до конца—„в муках страждущий“. Во всех этих взрывах, скачке идей, галлюцинациях, бреде отрицания вскрылись другие механизмы в ослабленном инфекцией организме.

Во всей жизни М. А. Врубеля, бывали моменты гипоманиакального состояния, бурных эмоций, погони за впечатлениями. В болезни он переживал острые маниакальные состояния. Рядом с этим—вдумчивость, сосредоточенность, искание идеи, стилизация. Резким угловым письмом он отгораживается. Между ним и миром всегда холод. Этот момент выразился в бреде отрицания, преследования. Ни на одну минуту не покидает его любовь к жене. Она его „идеал“: у шизоидов женщина или мегера или святая (Кречмер). Уход в мифологию, отрыв от „земного“, демон—„дух земли“—его постоянный спутник—все говорит о его шизоидности. Тонкую никому неведомую нить вьет в душе своей художник. Все это свидетельствует о его сложной смешанной конституции. Эта смена доминант выявляется еще в период полового развития, когда синтонные черты дают место шизоидным. Врубель в наследство получил эти противоположные гены циклоидной и шизоидной конституции.

Во всех этих гранях противоположностей, в их взаимных переходах, тонком переплетении, переломилась личность и творчество художника. К этим компонентам присоединилась еще инфекция, отныне неразлучный спутник его. Эту триаду он воплотил в Панае. Он избегает разговоров об искусстве. Он утомлен. Отмечаются уплотнения—*verdichtung*. Он слил в один образ последнего демона и жену. Вялость, апатия, равнодушие. Но сила эмоций, творческий дар побеждали пустоту, усталость. Все остальное довершила спирохета. Все это необычное течение, длительность, глубокие ремиссии, сохранившийся интеллект, исключительная работоспособность обязаны, быть может, его сложной индивидуальности, столь глубоко одаренной и несомненно и в патологии себя проявляющей. Так сложна была картина его болезни, что в диагнозе клиническом были разногласия. Д-р Усольцев много лет, наблюдавший больного, несогласен был с диагнозом *Paralysis progressiva* а ставил *Tabes dorsalis*—маниакально-депрессивный психоз.

О влиянии конституции на течение болезни мы читаем у проф. Бернштейна, что у больного с циркулярной конституцией прогрессивный паралич уклоняется от обычного течения и принимает циркулярную форму. Проф. Рыбаков говорит: „Циркулярная форма прогрессивного паралича наблюдается у лиц с циклофренической конституцией, обладающих более или менее тяжелой невро-психопатологической наследственностью“. Из течения болезни Михаила Александровича мы можем сказать, что из смешанных ген, полученных в наследство, преобладали гены циклоидные, как они в патологии проявились у его сестры. Кроме того наследственность его была отягощена: дед по отцу алкоголик, дед по матери маниак. По мнению проф. Рыбакова при такой форме прогрессивного паралича раньше всего теряется зрение, что случилось и на этот раз. Врубель художник умер раньше, чем Врубель человек.

Так бледная спирохета в конце концов, сделав свою разрушительную работу отняла у художника высшие надстройки (суперрефлексы), его воображение, эмоции, весь сложный дар его композиции, богатство, тонкость восприятия, его зрение. Уступая болезни, художник желал смерти, ибо знал, что не воспримет ничего от той земли, которую так радостно любил, что не будет «дух земли» развиваться в нем творческой силой.

В заключение скажем словами Паскаля: „как бы высоко и вширь не разрослись ветви дерева, корни его так же низки к земле, как ноги ребенка“.

Приношу глубокую благодарность моему учителю проф. В. А. Гиляровскому за все ценные указания и за интерес к этой работе.

Проф. Ганнушкину выражаю благодарность за разрешение пользоваться клиническим материалом и д-ру Усолцеву—за сообщенные сведения о Врубеле.

Эвропатологические заметки.

1. Психическая болезнь Мережковского.

Психически заболел религиозным помешательством, проживающий во Франции, известный писатель Д. С. Мережковский. Он помещен в одной из психиатрических больниц Парижа. (Из хроники столичных газет).

2. Мозг Анатоля Франса.

Французский врач Гильом, которому было поручено исследование мозга знаменитого французского писателя Анатоля Франса, указал на большой научный интерес, который связан с изучением такого мозга. К сожалению семья покойного не согласилась с ним относительно того, чтобы опубликовать его наблюдения.

Д—р Гильом ограничился поэтому, в настоящее время, сообщением того, что в отношении амплитуды, числа и тонкости извилин мозг Анатоля Франса, представляет из себя мозг—уникум. („Мед. Работник“ № 6, 1925 г.).

3. Научный вундеркинд.

«Бенгт Стремгрен, шестнадцатилетний сын директора Копенгагенской Обсерватории, написал ученый труд о методах установления положений звезд. Работа эта начата им еще в 13 летнем возрасте. Шведская Академия Наук издает эту работу. («Красная Нива» № 2 1925 г.).

4. Евгенина.

В Германское министерство юстиции внесен законопроект о применении „стерелизации“, путем вазэктомии и саллингэктомии, в некоторых категориях наследственно отягощенных лиц. („Врачебное дело“ 1925, № 3).

5. Вундеркинд—убийца. ✓

В Чикаго предстоит сенсационный процесс Франко Микуэля, 14-ти летнего мальчика—вундеркинда, известного в Америке пианиста и дирижера. Его обвиняют в убийстве родителей и 2-х сестр, которых он облил керосином и сжег. Предполагают, что вундеркинд ненормален.

(„Вечерняя Москва“ 13/VI—25 г.).

Содержание 2-го выпуска I тома.

Отдел общей эвропатологии.

	Стран.
Д-р Г. В. Сегалин.—О гипостатической реакции гениальной одаренности	93—110
Д-р К. А. Скворцов.—Симптом „иллюзия уже виденного“ в творческих процессах . . .	111—151

Отдел патографический.

Д-р Я. В. Мини.—К патографии А. С. Пушкина .	29—46
Д-р И. Б. Галант.—Делирий Максима Горького (о душевной болезни, которой страдал М. Горький в 1889—1890 г.)	47—55
Д-р М. И. Цубина.—М. Врубель с психопатологической точки зрения	56—65

Эвропатологические заметки.	66
-------------------------------------	----

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1925 ГОД.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИК ПОЛУЧИТ ЖУРНАЛ,
НАЧИНАЯ С 1-ГО ЯНВАРЯ 1925 ГОДА.

„Журнал для усовершенствования врачей“.

Ежемесячный орган, посвященный вопросам практической и теоретической медицины, издаваемый при Государственном Клиническом Институте для усовершенствования врачей (б. Еленинский) под редакцией профессора С. А. Бруштейна.

Члены редакции: профессора—А. В. Блауменау, К. Н. Георгиевский, П. Н. Диатроптов (Москва), К. Э. Добровольский, Н. Н. Петров, Д. Д. Плетнев (Москва), Л. А. Тарасевич (Москва) и Ф. Я. Чистович.

Журнал ставит себе целью прийти на помощь русскому врачу, стремящемуся пополнить свои знания, знакомя его с новейшими достижениями в области медицины.

Журнал выходит ежемесячно, объемом в 6—8 печ. листов.

В журнале принимают участие профессора: Г. Х. Аюе, Г. Д. Белоновский, В. М. Бехтерев, Ф. К. Вебер, А. А. Владимиров, Б. Н. Воинов, Р. Р. Вреден, В. С. Груздев (Казань), В. Н. Долганов, Р. В. Кипарский, П. П. Лазарев (Москва), Г. Ф. Ланг, Л. Т. Левин, Я. А. Ловицкий, С. М. Лукьянов, Р. А. Лурья (Казань), П. С. Медовиков, Н. Ф. Мельников-Разведенков (Краснодар), Н. А. Михайлов, В. А. Оппель, В. П. Осипов, Д. О. Отт, Т. П. Павлов, К. И. Поварнин, А. А. Семашко, А. Ф. Сулима-Самойло, С. П. Федоров, Г. В. Хлозин, Н. Я. Чистович, Г. В. Шор, А. Я. Яновский и др.

==== **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:** =====

С ДОСТ. И ПЕРЕС. НА ГОД 10 Р., НА 6 МЕС 6 Р., НА 3 МЕС. 3 Р.
ИМЕЮТСЯ ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ ЗА 1924 ГОД.

ЦЕНА 8 РУБ. С ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Требования и деньги адресовать: Ленинград, Стремянная, 8.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „П. П. СОЙКИН“, ОБОЗНАЧАЯ НА ЧТО ВЫСЫЛАЮТСЯ ДЕНЬГИ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

прием подписки на

**„Казанский
Медицинский журнал“**

в 1925 г.

Орган Мед. О-в г. Казани и Уральского О-ва
Врачей в г. Свердловске.

(XII год издания).

В 1925 году „журнал“ выходит по расширенной
программе ЕЖЕМЕСЯЧНО (12 № в год), книж-
ками по 112 стр. каждая, с рисунками и диаграммами
под редакцией проф. В. С. Груздева.

В „журнале“ принимают постоянное
участие профессора и препода-
ватели Казанского универ-
ситета и Казанского
Клинического
Института,
а равно и других высших
медицинских школ С С С Р.

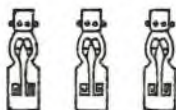
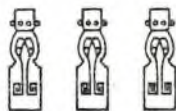
ПОДПИСКА

принимается
только на 2-ое полуго-
дие 1925 г. (июль-декабрь)
т. к. №№ 1—6 „Журнала“,
несмотря на увеличение числа печат-
ных экземпляров **ПОЛНОСТЬЮ**

РАЗОШЛИСЬ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1/2 года (за 6 №№)
2 р. 50 к. с доставкой
и пересылкой.

Требования и деньги
направлять по адресу:
**Казань, Акушерско-
Гинекологическая Кли-
ника Университета.**

≡ VI ГОД ≡ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1925 Г. ≡ VI ГОД ≡
ИЗДАНИЯ. НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАНИЯ.

НАУЧНОЙ, ПРАКТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЕДИЦИНЫ И САНИТАРИИ

САРАТОВСКИЙ ВЕСТНИК

ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

издаваемый Здравоорганами Саратовской губернии под редакцией коллегии при Саратовском Губздравотделе, в составе:

д-ра Н. А. Коновалова, Г. К. Немсадзе, проф. В. И. Разумовского, проф. И. А. Чуевского, д-ра Г. А. Липидус и д-ра И. И. Геллерман (Секретарь Редакции).

Журнал издается с 1920 года и выходит ежемесячно в размере 5 — 6 печатных листов.

В журнале принимают участие (по алфавиту): проф. В. А. Арнольдов (гигиена), проф. Б. П. Бруханский (педиатрия), проф. А. А. Богомолец (общая патология) проф. И. Н. Быстренин (педиатрия), проф. Э. А. Гранстрем (внутренние болезни), проф. П. С. Григорьев (кожные и венерич. болезни), проф. Д. О. Крылов (внутренние болезни), проф. Н. Е. Кушев (внутренние болезни), проф. Н. М. Какушкин акушерство и гинекология), проф. С. И. Кузьмин (акушерство и гинекология), д-р Н. А. Коновалов (социальная медиц.), проф. М. П. Кутанин (психиатрия), д-р Г. А. Липидус (социальная гигиена) д-р А. А. Мальков (санит. и гигиена), проф. С. Р. Миротверцев (хирургия), проф. С. М. Никоноров (бактериология), проф. Н. Е. Бескин (невропатология), д-р П. П. Под'япольский (психотерапия), проф. В. И. Разумовский (хирургия) проф. М. И. Райский (мед. экспертиза), д-р П. Н. Соколов (охрана материнства и детства), проф. С. П. Спасокукоцкий (хирургия), проф. Н. С. Троицкий (внутренние болезни), проф. М. Ф. Цитович (ото рино-ларингология), проф. И. А. Чуевский (биология), проф. К. Ю. Юдин (офтальмология) и друг.

Подписка принимается в редакции — Саратов, Губздравотдел (угол Волынской и Крапивной).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ. С ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА 50 КОП.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ — ПЛАТА ПО СОГЛАШЕНИЮ.

1925 год.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й.

ТУРКЕСТАНСКИЙ „МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ“

ОРГАН НАУЧНОЙ МЫСЛИ ПО РАЗЛИЧНЫМ
ОТДЕЛАМ МЕДИЦИНЫ В СР. АЗИИ

Журнал ставит своей задачей: 1) изучение заболеваний, свойственных Ср. Азии и др. жарким странам, 2) изучение вопросов теоретической и практической медицины.

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

отдельными книжками под редакцией проф. А. Н. Крюкова и П. П. Ситковского. Секретари редакции д-ра А. П. Федулов и П. Самсонов.

Издание Турк. Научного Медицинского О-ва при С.-Аз. Г. У. и Правления Научных Съездов Врачей Туркестана. Стоимость № за 1922 г. 50 коп., за 1923 г. 1 руб., и за 1924 г. № 1—8 2 руб. № 9, 10—11, 12 по 1 руб. Высылается по требованию наложенным платежом. Пересылка за счет подписчика.

Адрес редакции: Ташкент. ул., 1 мая (Куропаткинская), 41.

Просьба к редакциям журналов присылать на обмен издания и обмениваться объявлениями

ЖУРНАЛ ПРОДАЕТСЯ

В МОСКВЕ — в Универсальном магазине, угол проезда Художественного Театра и Большой Дмитровки.

В ЛЕНИНГРАДЕ — в книжном магазине „Медальона“, проспект Володарского (бывш. Литейный) 38.

Там же принимается подписка.

В ХАРЬКОВЕ — в издательстве журнала „Врачебное Дело“.

В ТАШКЕНТЕ — в редакции и книжных магазинах Кооперативчати и Госиздательства ул., К. Маркса (бывш. Соборная), Наука и Труд — Махрамская.

СТОИМОСТЬ ОДНОКРАТНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ:

1 страница . . . 50 р. золотом. ||| 1/4 страницы . . . 25 р. золотом.
1/2 „ . . . 35 р. „ ||| 1/8 „ . . . 15 р. „

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

— на 1925—7 руб. —

С рассрочкой на 3 срока:

при подписке 4 рубля, 1-го мая 3 рубля.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №—1 рубль.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ.

Напечатано:

Следует читать:

На стр.	1-ой строка	4-ая паталогии	патологии	
"	"	98 " 30	взаимоотношении	взаимоотношений
"	"	100 " 28	резр.	гезр.
"	"	101 " 15	явления	явление
"	"	102 " 31	действие	действия
"	"	103 " 27	шотланско	шотландско
"	"	103 " 11	шотландцы	шотландцы
"	"	104 " 25	гипостатистическую	гидостатическую
"	"	105 " 25	гипостатистической	гипостатической
"	"	106 " 44	На	Но
"	"	109 " 5	катотонически	кататонически
"	"	127 " 32	аутогипноз	аутогипноз
"	"	130 " 16	образом	образов
"	"	131 " 11	такое	такой
"	"	131 " 43	обозначений	обзначении
"	"	182 " 20	образом	образов
"	"	187 " 26	выделении	выделения
"	"	189 " 46	возврат	возврат
"	"	189 " 48	либидоная	либидо на я
Патограф. отд.				
"	"	29 " 25	творческих	творчески
"	"	32 " 14	свои	своих
"	"	39 " 31	жинитьба	женитьба
"	"	43 " 31	это	эта
"	"	45 " 12	свой	свою
"	"	48 " 3	средство	сродство
"	"	48 " 26	подобные	подобные
"	"	48 " 33	охватила	охватило
"	"	49 " 31	стала	стола
"	"	52 " 22	психиатрически	психиатрически
"	"	54 " 37	человека	человека
"	"	56 " 10	творческим	творческих
"	"	56 " 11	при	причем
"	"	56 " 12	члелературных	литературных
"	"	57 " 3	dementia	dementia
"	"	57 " 15	предлагаетый	предлагаемый
"	"	57 " 40	свойства	свойства
"	"	62 " 45	художественной	художественного
"	"	63 " 32	несжиданно	неожиданно
"	"	52 " 40	Горький	Горький

Профессор С. О. Грузенберг.

ГЕНИЙ И ТВОРЧЕСТВО.

Основы теории и психологии творчества, с приложением неизданных материалов по вопросам психологии творчества и указателя литературы.

254 стр. Цена 3 р. 50 к., с перес. 3 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „П. П. СОЙКИН“, ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА“

Ленинград, пропект Володарского, д. № 49. ☐ Телефон № 5-42-39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1925 г.

== НА ЖУРНАЛЫ: ==

1. ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

2. ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цена на год—10 руб.
на 1/2 года 6 рублей.

Допускается рассрочка плат.:
при подписке—3 р., 1 февр.—2 р.
1 апреля—3 р., и 1 июня—2 р.

3. ЖУРНАЛ АКУШЕРСТВО и ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ.

Годовая подписн. цена—10 р.

Допускается рассрочка плат.:
при подписке—3 р., 1 февр.—3 р.
и 1 апреля—2 руб.

4. РУССКАЯ ОТО-ЛАРИНГОЛОГИЯ.

Годовая подписн. цена—10 р.
Допускается рассрочка плат.:
при подписке—5 р., 1 февр. 3 р.
и 1 апреля—2 руб.

5. СЛОВАРЬ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.

Составил проф. М. Я. Брейтманом.
Подписная плата—6 руб., для
подписчиков вышеперечислен.
журналов—4 руб.

ГРУППОВАЯ ПОДПИСКА:

При групповой подписке (не менее 5 человек) допускается уплата подписной цены ежемесячными взносами с таким расчетом, чтобы вся подписная цена была уплачена до 1-го января. Представитель группы принимает на себя обязанности по сбору взносов и сношения с Издательством.

Деньги адресовать: Издательству ПРАКТИЧ. МЕДИЦ. Ленинград, пр. Володарского, 49.